

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

РЫЦАРЬ
СТЕПЬ

Рыцарь

Константин Калбазов

Рыцарь. Степь

«Автор»

2012

Калбазов К. Г.

Рыцарь. Степь / К. Г. Калбазов — «Автор», 2012 — (Рыцарь)

ISBN 978-5-9922-1086-6

Параллельный мир или другая планета? Этим вопросом Андрей Новак, наш современник, попавший в мир Средневековья, где обосновались потомки выходцев из Иерусалима, задавался не раз и не два, но ответа так и не нашел. А зачем это ему по большому счету? Он сумел выжить, стать весьма состоятельным членом общества, обзавестись семьей. Живи и радуйся. Однако судьба ведет его по жизни, руководствуясь своими, только ей известными целями. Обосноваться-то в этом мире у пенсионера МВД получилось, а вот со спокойным существованием не задалось. Преследование инквизицией, кровавые схватки с кочевниками и постоянная борьба за жизнь. Вот, пожалуй, и все, что уготовано ему свыше.

ISBN 978-5-9922-1086-6

© Калбазов К. Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Константин Калбазов

Рыцарь. Степь

Глава 1

Неожиданное происшествие

Зима. В это время года жизнь практически замирала. Крестьяне готовились к новому сезону сельхозработ, и потому времени на отдых у них было предостаточно. Ремесленники также имели возможности для отдыха. Торговцы могли рассчитывать на прибыль только в дни ярмарок, все остальное время торговля шла ни шатко ни валко. Из дальних маркграфств или других королевств товар купцы переправляли по водному пути, а реки в это время года здесь замерзали напрочь.

Андрея все еще удивляло то, что местные жители никак не задействовали самую крупную водную артерию, Яну. Французы, пользуясь небольшими реками и устраивая волоки на наиболее узких местах между ними, доставляли свой товар в Англию по реке Быстрой. Германцы для этого использовали в основном реку Светлую, приток Одера, отделяющего Германские княжества от степи, потом волоком и с помощью небольших речушек переправлялись в реку Темную, а оттуда уже двигались в английские земли. Практически вся торговля так или иначе была связана с Лондоном. Здесь находился папа, наместник Господа в Царстве Небесном, как без всякой иронии местные именовали земли, подвластные людям. Весьма скромная резиденция папы находилась рядом, но несколько в стороне от столицы англичан, потому основная масса паломников находила для себя пристанище именно в Лондоне, так как вблизи от резиденции остановиться не было никакой возможности. Так что Лондон был практически торговой столицей этого мира.

Конечно, несмотря на все трудности с волоком, торговля по реке была гораздо прибыльнее и быстрее торговли сухим путем, ибо груженные повозки двигались едва ли не со скоростью пешехода, да и грузов на речные суда, несмотря на их неказистость, помещалось гораздо больше. Однако насколько можно было бы ее ускорить и упростить, если бы использовать Яну, не говоря уже о том, что суда можно было бы делать и побольше, так как отпала бы необходимость переправы их посуху. Все реки в этом регионе так или иначе впадали в Яну, а потому спуститься до нее, а затем подняться по другой реке было бы гораздо проще, да и быстрее, а значит, и расходы на путешествие значительно сокращались. Но огромная река никак не эксплуатировалась, так как на ее просторах стать добычей проклятых орков было гораздо вероятнее, чем получить какую-либо прибыль.

В селе Новак, как окрестили его сами жители, жизнь и не думала замирать. Да, руда не доставлялась, лед сковал реки и застопорил водяные колеса, казалось бы, поставив крест на производстве, но Андрей и не думал останавливаться. Сила воды была заменена силой быков, пущенных по кругу и заставляющих крутиться валы.

Металла было приготовлено предостаточно, поэтому волочилыня продолжала свою работу, готовя многие километры проволоки, которую скупал приказчик Эндрю Роберт. Купец решил, что молодой человек вполне справится и с делами Андрея, и с лавкой самого Эндрю, расположенной в селе, – и в общем он не ошибся, работоспособности и предприимчивости парня можно было только позавидовать. Ввиду отсутствия водного пути он хранил всю продукцию на складах, отправляя лишь малую часть по санному. А закупать у предприимчивых селян было что и кроме проволоки, которая, наряду с наконечниками, стала главной составляющей экспорта, обойдя даже арбалеты.

Производство инструмента не давало больших прибылей, так как инструмент – товар весьма специфический, из-за дороговизны металла нужда в нем возникала лишь у мастеров, во многих семьях обходились только одним топором и одним ножом – что уж говорить о том, чтобы иметь в хозяйстве ту же дрель. Точильные станки были несложны в изготовлении, и они уже всюду производились другими кузнецами, так что этот товар отработал свое, поиметь большую прибыль с него было уже нельзя.

Так вот и вышло, что к основным товарам, производимым на экспорт, добавились посуда, игрушки (обычные матрешки), подсвечники и мебель, которые изготавливали в зимнее время жители села, используя токарные станки с ножным приводом. Мебель должна была раскупаться на ура дворянством, ее Эндрю планировал начать распространять с Лондона, так как не следовало наживать неприятностей – все самое лучшее должно было появляться сначала в столице, а лучше было начинать с короля, спокойнее так. Посуда же предназначалась для простолюдинов – дешевая и легкодоступная, она бы составила достойную конкуренцию керамике, но ее опять-таки должно было быть много, а значит, проще было доставлять ее именно водным путем.

Началось же все с того, что, помирившись с женой или, если точнее сказать, обретя ее, Андрей разработал токарный станок и сам начал изготавливать с его помощью мебель для любимой супруги. Сначала был стол с резными ножками, потом стулья, потом кровать, потом набор посуды из дерева, красиво расписанной и покрытой лаком, потом он изготовил несколько подсвечников. После того как стало известно, что супруга в положении, на радостях он смастерил несколько матрешек, вкладывающихся друг в друга.

Потом это все увидел Эндрю и впал в ступор. Предприимчивая натура купца не позволила ему не усмотреть во всем этом выгоды, так как изделия из металла – это, конечно, хорошо, но то, что можно было получить с изделий из дерева, было ничуть не хуже. В общем, очень скоро то, что Андрей сделал для души, было поставлено его деятельным другом на поток. Вернее, торговец, как всегда, наскипидарил Новака, а тому уже пришлось думать над тем, как поставить это дело на поток. Пока стояла зима, в устроенной мастерской работали жители села, а женская половина занималась росписью, но по весне Эндрю обязался организовать прибытие наемных сезонных рабочих.

– Да что ты так вцепился в эти плошки и мебель? Ну, получим мы первую прибыль, а потом все опять вернется на круги своя. Вот те же арбалеты – цена на них значительно упала после того, как их научились делать другие мастера.

– Это так. Но проволока-то продолжает пользоваться спросом, да и арбалеты твои прибыль приносят немалую, а все почему?

– Ну и почему?

– Да потому что во многих местах делают проволоку, и многие сумели повторить изготовление арбалетов, но никто не может делать этого в таких количествах, как ты. Кузнецам, получилось, и вовсе проще покупать проволоку у меня, чем тратить время на ее изготовление самим. Арбалеты их, если пустить по той же цене, что и твои, – они не приносят прибыли, а потому у них они подороже будут, и опять наш товар спросом пользуется. Ну если его под рукой нет, то тогда покупают у местных умельцев, – назидательным тоном говорил купец. – А эти твои вещи и вовсе никто не сможет сделать, так как никто не знает, как их делать, ну не знают они, как изготовить такой станок, а без него нечего и начинать.

– Ты думаешь?

– Я знаю. Конечно, посуду из дерева делали и раньше, но только она не имеет ничего общего с твоей, мы очень хорошо на этом заработаем.

Так вот и вышло, что пробные партии, будучи доставленными в Йорк, разлетелись как горячие пирожки, а остальное накапливалось на складах, скупаемое у первой в этом мире мануфактуры приказчиком Эндрю.

Точнее, мануфактур получалось уже целых три. На одной было налажено изготовление столярных изделий, на другой собирались арбалеты, на третьей тянули проволоку и штамповали наконечники. Все это было поставлено на поток и стало основными статьями дохода Андрея, ну и всех жителей села – в зимнее время, во всяком случае; весной их должны были сменить наемные рабочие, а в том, что Эндрю сумеет их предоставить, Новак не сомневался.

Андрей вышел на крыльцо и, сладко потянувшись, встряхнулся подобно собаке, вынырнувшей из воды. Что и говорить – тело, привыкшее к большим нагрузкам, изрядно отдохнув за ночь, требовало физических упражнений. Пока были в разгаре работы по изготовлению винтовки, он часто ложился далеко за полночь, иной раз приходилось по несколько дней ломать голову над решением той или иной задачи. Ну не был он инженером-механиком и вообще с механикой был дружен постольку-поскольку, спасибо веселому детству: будучи подростком, он был вынужден сам придумывать себе игрушки, собирать велосипед из явного металлолома, и все в том же духе – жили они небогато. Тем обиднее было, когда решение оказывалось очень простым и лежало прямо на поверхности. Но все это сильно изматывало, и он не чувствовал жгучего желания что-нибудь сделать, чтобы сбросить избыток энергии. Правда, после того как они с Анной пришли к взаимному пониманию, вопрос с избытком энергии решался весьма радикально, и Андрей не мог сказать, что такая трата сил ему неприятна. Но сейчас Анна была уже на пятом месяце, беременность у нее протекала не так гладко – все же поздновато она понесла первенца, – не могло это не аукнуться даже на здоровом организме не избалованной цивилизацией девушки, так что о таких нагрузках до поры пришлось забыть.

Мысль об Анне и их будущем малыше вдруг напомнила ему о жене и детях, оставшихся там, в другом мире, или на другой планете. Так уж сложилось, что вечерний звонок брата, попросившего о помощи, перевернул всю его жизнь, поставил с ног на голову – и, как результат, оказался билетом в неизвестный мир, или на другую планету, этого Андрей так и не понял.

Случилось это около года назад. Двоюродный брат Андрея Артур позвонил и попросил помочь ему избавиться от зарытого у него на подворье арсенала, оставшегося еще с лихих девяностых. Так уж вышло, что сам брат поехать с ним не смог, и Новаку пришлось избавляться от оружия в одиночку. А дальше как в той присказке: «По дороге с ним случилось несчастье...» Впрочем, несчастье ли?

В результате удара молнии бывший милиционер, а ныне пенсионер МВД получил небывалые возможности в регенерации, абсолютную память и... перенесся в другой мир. В мир, где царило Средневековье, а его жителями оказались потомки выходцев из Иерусалима, что на матушке-Земле. Так уж вышло, что после падения Царства Небесного часть из жителей при помощи священника падре Иоанна оказалась здесь и основала новое Царство Небесное – на земле обетованной, ниспосланной Господом нашим.

Однако благолепие длилось недолго. Люди есть люди, и им трудно избавиться от пороков. Начались взаимные претензии, разделения по национальному признаку – и наконец они разделились, образовав три государства, беспрестанно враждующие между собой. В наказание за грехи Господь отвернулся от чад своих и не стал противиться сатане, наславшему на них свое порождение – орков.

С тех пор минуло восемьсот тринадцать лет, и по местному календарю шел двухтысячный год от Рождества Христова. Но время здесь словно застыло, остановив людей на уровне Средневековья как в общественном укладе, так и в технологическом. Именно в это время Андрей Новак и появился здесь. Несмотря на то что с ним приключилось несчастье, в остальном ему безгранично везло. В первые же дни ему посчастливилось спасти несколько человек, среди которых оказался купец Эндрю, ставший его другом и единственным, кто узнал о нем всю правду.

Мир этот оказался не столь уж и приветливым. Здесь вовсю свирепствовала инквизиция. Несмотря на то что люди разделились на три государства – Англию, Германию и Фран-

цию, – церковь осталась вне государств, но не вне политики, являясь черным кардиналом и имея реальную всеобъемлющую власть. Были здесь и орки, с удовольствием пожирающие человеческое мясо и почитающие его деликатесом.

Опасный, неприветливый мир. Но Андрею нравилась его нынешняя жизнь, ничто его не тянуло и не манило обратно, разве только переправить сюда кое-что оттуда, на худой конец, просто информацию, благо для этого не нужно было никаких компьютеров или книг. Ему сейчас не нужно было даже ничего читать – просто достаточно взглянуть на страницу, а потом воспроизвести ее по памяти. Но вот семья... Семьи ему не хватало. Он искренне любил Анну, но он также любил и свою первую супругу и дочерей и, несмотря на все приключения, никак не мог их забыть – впрочем, он и не пытался этого делать. Конечно, он не возвращался каждый раз к мыслям о них подобно мазохисту, но и не гнал их, когда они возникали у него в голове. Вот и сейчас он замер на крыльце, глядя вдоль заснеженной улицы и предаваясь воспоминаниям.

– Живее! Живее! С каких это пор зима стала причиной для того, чтобы отлынивать от тренировок?! Рон, чего ты телишься? Опять с завтраком перебрал?

– Так, господин десятник, баба же. Если не поешь, сразу дуется: «а где это тебя кормят» или «тебе не нравится, как я готовлю».

В ответ на эту реплику раздался дружный гогот двух с половиной десятков бойцов Андреевой дружины. Каждое утро подобное замечание доставалось кому-либо из бойцов или сразу нескольким, в зависимости от их расторопности и настроения Джефа. Сегодня была очередь Рона, которого в свое время Андрей взял в плен на дороге, перед этим ранив из автомата. Этот ветеран всячески подначивал женатых дружинников, но, как говорится, не миновала чаша сия и его самого – пару месяцев назад он также женился.

Слушая, как десятник наезжает на личный состав и как те пытаются оправдываться, Андрей добродушно улыбнулся. Сегодня в его войске не было ни одного холостого воина, все обзавелись женами, а бывший каменотес так и вовсе всех удивил, каким-то образом умудрившись охмурить миниатюрную Элли. Кстати, судя по имеющимся сведениям, она уже понесла. Давняя мечта добродушного гиганта о доме, полном ребятней, начала осуществляться: ведь главное – сделать первый шаг.

Казарма сейчас пустовала, но в ней всегда топилась печь и находился дежурный, который одновременно командовал и караулом из четырех человек, посменно несших службу на двух наблюдательных вышках.

Чтобы парни не расслаблялись, охотничья команда Жана время от времени совершала на село «налеты». Андрей поначалу противился этому, так как парни могли запросто вогнать болт в излишне ретивых охотников, но старшина охотничьей команды настаивал на продолжении потехи. Это было полезно и бойцам и охотникам: и у тех и у других нарабатывались навыки, и служба неслась более бдительно, проспавших охотников и позволивших им приблизиться вплотную к тыну ждала незавидная участь: фантазия у Джефа была богатая и весьма своеобразная, с садистскими наклонностями. А чтобы не попасть под выстрел караульного, на его окрик обнаруженный охотник тут же должен был подать голос, благо в паролях необходимости не было – парни прекрасно знали друг друга и не раз участвовали в совместных походах, когда воины постигали тайны лесовиков. Если через секунду не следовало отзыва, караульный стрелял на поражение.

Но, как водится, не обходилось и без казусов. Однажды простудившийся охотник, подкрадываясь к тыну, был обнаружен и на окрик «Стой! Кто идет?» отозвался охрипшим голосом – понятно, что караульный не узнал его и вогнал в него болт. Благо, будучи укутан в громоздкий тулуп, караульный не смог хорошо прицелиться и всадил болт в плечо охотника. Впоследствии оба были наказаны – один за то, что не смог скрытно подобраться к тыну – разумеется, когда выздоровел, – а другой этим же утром. Джефу не понравилось, что с такого мизерного рассто-

яния караульный не смог произвести смертельный выстрел. Бедному новобранцу пришлось выпустить две сотни болтов по мишени на дистанции в сто шагов, при этом он был в тулупе, а в его распоряжении было только десять болтов. После каждой серии по десять выстрелов ему нужно было как есть, в тулупе, бежать к мишени, извлекать болты и бегом возвращаться на исходную. За ночь выпал снег, и Джеф каждый раз заставлял его бежать по целине, так что к концу внеочередных занятий по стрельбе на парня было жалко смотреть.

Тот факт, что раненый оказался в доску своим, на Джефа не произвел ровным счетом никакого впечатления. Забав своих не бросили ни охотники, ни воины. Правда, теперь, прежде чем назначать очередного лазутчика, охотники убеждались, что у того все в порядке с голосом, а в остальном все осталось так же, как было.

– Становись! Напра-во! Бегом марш!

Все, началась пробежка. Пропустив строй, Джеф покосился в сторону Андрея и осуждающе покачал головой. Ну что ты будешь делать. Пропустив руки в рукава полушубка, Андрей поспешил присоединиться к воинам, облаченным в доспехи. Новак намеренно не снял с себя полушубка, так как тот должен был в какой-то мере компенсировать отсутствие кольчуги, чтобы Джеф не очень-то дулся на столь вопиющее нарушение. В угоду же этому зверю Андрей вынужден был запахнуть полы и застегнуться на все пуговицы – еще одно нововведение, привнесенное в этот мир им: здесь не знали ни карманов, ни пуговиц и пользовались объемными кошельками и завязками. Теперь ему предстояло обливаться потом всю тренировку, насилая свой организм. Джеф это оценил и не стал коситься на своего начальника: кому приходилось труднее – ему или воинам в кольчугах – это еще вопрос.

Домой он заявился к завтраку и весь в мыле, так что даже соблазнительные запахи из кухни не произвели на него должного впечатления, что было весьма необычно: вкусно поесть он любил, хотя впрок это и не шло, – его друг и наставник внимательно следил за тем, чтобы у него не образовывалось и намек на жировую прослойку. Увидев его, Анна задорно улыбнулась:

– Джеф?

– Это называется оказаться не в то время и не в том месте.

– Не вредничай. Тебе это нужно.

– А кто спорит? Но только тренироваться в броне куда удобнее, чем в полушубке: не так тесно и не так жарко.

– Так завтракать-то будешь?

– Только умоюсь. Элли!

– Не отвлекай ее. Я сама тебе полью.

Они вдвоем направились в умывальную комнату, устроенную по его просьбе на первом этаже, – ну любил он поплескаться во время умывания, не делать же это в большой зале. Анна, взяв в руки кувшин, стала поливать Андрею, а тот, отфыркиваясь и кряхтя от удовольствия, начал мыться. Он уже давно подумывал о том, чтобы «изобрести» умывальник, но пока все руки не доходили, а может, все дело было именно в том, что ему было приятно умываться вот так, когда кто-то, проявляя заботу и внимание, поливал из кувшина.

С завтраком было уже практически покончено, когда в столовую ввалился Жан. Он когда-то был охотником на орочьей стороне и оказался в числе спасенных из плена Новаком. После возвращения на человеческие земли охотник изъявил желание остаться и теперь, вместе с набранной им артелью, был глазами и ушами нового поселения, а также добытчиком и наставником дружинников.

Обычно в таких ситуациях Андрей неизменно сажал пришедшего за стол и не переходил к делам, пока прием пищи не заканчивался, но на этот раз он поступил иначе. Весь вид охотника говорил о том, что что-то случилось, и что-то нешуточное. Андрей быстро утерся

салфеткой и, чмокнув жену в щеку, тут же кивнув Жану в направлении лестницы, быстро поднялся, и они прошли в кабинет.

– Что случилось?

– Плохи дела, господин Андрэ.

– Обнадеживающе. Может, объяснишь?

– Инквизиция всерьез заинтересовалась нашим селом, и в частности – вами.

– Мне из тебя клещами тянуть нужно, или ты сам все вразумительно объяснишь? – сквозь зубы процедил Новак.

– А чего тут объяснять-то? Они там считают, что все ваши изобретения – не что иное, как происки сатаны, и решили провести следствие, для чего сюда направился отряд из тридцати церковных воинов и два инквизиторских дознавателя.

– А не многовато?

– Даже мало, учитывая, что у вас имеется почти столько же воинов. Но они, видно, рассчитывали на то, что далеко не все поднимут оружие против воинов креста, буде до этого дойдет.

– Что же, в этом они правы. Люди готовы сражаться за меня, но не против слуг Господа.

– Ну на четверых вы можете рассчитывать, как вы говорите, на все сто.

– Та-ак. Не сочти за труд, вызови Джефа.

– Погодите, господин Андрэ. Время есть. Эта проблема пока решена. Нет больше этого отряда.

– Объясни.

– Ну тогда по порядку. Промашка у нас вышла на охоте – лося подранили, а он, сволочь, ну никак не хотел умирать, крепкий оказался – страсть. Полдня уходил от нас. – Правило охотников не отпускать подранков Андрею было прекрасно известно, так как такой зверь становился смертельно опасным. – Нагнали мы его, но ушел он далеко – и так почти в дневном переходе отсюда было, так он еще и дальше полдня уходил... В общем, не оставалось нам ничего, кроме как податься на постоялый двор Абрамса, чтобы, значит, там сбыть мясо. Когда подошли, уже темнело, только к закрытию ворот и поспели. Глядим – а там кроме купцов на постой стали три десятка конных воинов, и все с красными крестами. Ну думаю, и чего в нашей сторе понадобилось святому воинству? Разговорились с одним поддатым, угостил его еще – он и проболтался, что едут они в новое село Новак и сопровождают двух дознавателей. Понятно, что это мне не понравилось. Я давно уже подозревал Абрамса в том, что он с разбойниками связан, но до него у нас пока руки не дошли.

Жан имел в виду то, что Андрей со своими воинами открыл настоящую охоту на разбойников в этой округе. Им удалось уничтожить еще пару шаек: боевой опыт-то парням, да и ему самому, нужно было наработывать. Но до той стороны, где располагался постоялый двор старого Абрамса, было никак не меньше четырех переходов купеческому каравану и два перехода для охотников, – конные на рысях, конечно, могли обернуться и побыстрее... В общем, до тех мест в связи с их удаленностью они и впрямь еще не добрались, пока только собирали информацию.

– Так вот, вижу, что интересно Абрамсу, по какой такой надобности святое воинство пожаловало в эти края, а их-то пытаться, понятное дело, боязно. Ну он ко мне – заметил, что я разговорился с одним из воинов инквизиторов. А я возьми ему да в самых пьяных выражениях и поведай, что не инквизиторы это, а людишки барона Браги, и везут-де в столицу налоги маркграфства, потому и караул такой крепкий, а кресты на плащах – чтобы лиходеи хорошенько подумали, стоит ли связываться со святой инквизицией. Бывает такое, практикуют бароны, правда, за это можно и поплатиться – не так чтобы и строго, но годик послужить святому делу на границе со степью под плащами с красными крестами придется. Поутру, когда это воинство тронулось в путь, мы стали следить за ними. Не разочаровал меня Абрамс-то.

В аккурат посредине, не доезжая до следующего двора, на них напали десятков шесть лихих. Воины-то в инквизиции не ахти, больше авторитетом давят – здесь же не степь, это там они на равных с ратниками против степных орков встают, а здесь все больше за спинами дружин да под сенью креста прячутся. Видно, решили разбойнички, что им счастье обломится, потому как крепкие бойцы, да в таком количестве, под красными крестами прятаться не станут. Не вышло. Нет, конечно, с десятков они на тот свет отправили вместе с одним из дознавателей, и ранили не меньше, но только церковники всех в капусту порубили, никого не отпустили. Все же brave воины оказались. Вот тут-то мне это еще меньше стало нравиться. Ну сделали мы кружок, нащупали волчью стаю и подманили их на остатки отряда.

– Погоди, а как вы смогли волков-то подманить?

– Есть способы, – многозначительно заявил Жан, – тут главное, чтобы стая оказалась поблизости, ну и не дать себя сцапать. В общем, большая оказалась стая, голов пятьдесят, не меньше. Зима-то снежная выпала, а сейчас как раз конец, голодно стало совсем. В обозе у церковников кровью все пропахло, так что волки легко соскочили с нашего следа и пошли на обоз. Сколько-то волков они завалили, но все одно всех их порвали. Двое попытались вскачь уйти, и ушли бы, да только с десятков волков что-то на них взъелись: они, уходя, одного волка свалили – видать, волчицу. В общем, догнали и загрызли и их и лошадей. Зверь в это время лютый – вроде и хватает добычи, а они все одно не успокаиваются, пока все живое вокруг не порвут.

– Значит, с нами это происшествие связать не смогут?

– Хвала Господу, ночью снегопад прошел, так что наши следы замело, а то, что найдут на дороге, скажет лишь о том, что сначала сдуру на инквизиторов напали разбойники, а потом тем не повезло пересечься с волчьей стаей.

«Вот так вот. Порвали волки волков. А ведь фактически это охотники порвали их, и заметьте, инквизиторы пока вам еще не угрожали, а только ехали произвести следствие. Какое качество у него было бы – вопрос второй. А вот охотнички ждать не стали: угроза только обозначилась, смутно так, а они тут же бросились ее ликвидировать, да еще столь радикальным образом. А ведь трое подчиненных ничем не обязаны вам, долг крови только на Жане, хотя вы не раз говорили ему, что должником его ни в коей мере не считаете. Симптомчик, однако. Хотя чего скрывать-то – салом по сердцу, как любил поговаривать ваш однокурсник с Украины. Значит, люди вас любят, а это дорогого стоит».

– А стоило ли это того? – задумчиво произнес Андрей. – Ну приехали бы, потолкались бы здесь дознаватели, ведь никакой крамолы у нас нет, ересью и не пахнет. Вон даже церковь поставили. А изобретения – ну, чего же тут такого, никаких происков сатаны здесь и в помине нет, мы же из свинца золото не получаем.

– То есть как это не стоило? – обиженно возмутился старшина охотников. – Если бы они хотели просто следствие произвести, то не ехали бы такой силой: для охраны и десятка достаточно, и дознавателя одного хватило бы. А тут такая силища, что, почитай, любой замок на щит могут вздеть. Вот всем вы хороши, но иной раз ну прямо как дитя, ей-богу, – потупившись, тихо закончил Жан.

Андрею даже неловко стало от собственных слов, а лицо залила краска стыда. Люди рисковали своей жизнью ради того, чтобы помочь ему, более того – поставили себя вне закона, организовав гибель инквизиторов, а стать виновником гибели одного инквизитора или тридцати двух – разницы не было никакой. Следствие по этому поводу проводилось всегда с завидным тщанием и скрупулезностью.

– Извини, Жан. Я очень благодарен вам. Даже не знаю, как высказать это словами.

Жан, быстро подняв голову, впился взглядом в глаза своего господина и, что-то там увидев, удовлетворенно кивнул своим мыслям:

– Мы ваши, господин Андрэ, с головы до пяток ваши. Что сделано, то сделано, а что делать дальше – решать вам. Пойду я.

– погоди. Раз уж так все срослось, то со стариной Абрамсом нужно что-то решать. Он может вывести на вас.

– Вы думаете...

– Концы нужно обрубать полностью.

– Так...

– Именно. Об этом раньше нужно было думать. Никого больше задействовать не будем. Готовь ребят, я с вами.

– Понял.

– И никому ни слова.

– Не дети, – лихо нахлобучив на голову треух, проговорил охотник и выскользнул из кабинета.

* * *

Подворье Абрамса ничем не отличалось от остальных постоянных дворов, которые, казалось, все были изготовлены по шаблону. С другой стороны, незачем было придумывать что-либо: все они служили одной цели, а сложившийся образец всецело отвечал предъявляемым требованиям.

Андрей переступил порог общего зала и громко позвал хозяина, требуя горячего. Хозяин не замедлил явиться на зов и, едва увидел вошедших следом за Андреем охотников, метнул в Жана ненавидящий взгляд, впрочем, это было столь мимолетно, что, не следя за ним Андрей специально – ничего не заметил бы. Но этот взгляд лишний раз подтвердил подозрения о причастности Абрамса к разбойникам. Что же, зачищая концы, нелишне будет чувствовать, что все же совершаешь правосудие. Вот только у Абрамса жена, дочь и два сына, да еще и работник.

– А что, хозяин, как у тебя с ночлегом, не то темнеет уже... – Андрей говорил спокойно, хотя в душе у него полыхал пожар.

– Так у меня все комнаты свободны – хоть графскую дружину на постой приму. Сейчас время ярмарок, купцы в дорогу не больно-то спешат. Так что всех размещу, а желаете – так и каждому по отдельной комнате, – слащаво пел хозяин.

– Ага, и плату небось за каждую комнату потребуешь.

– Ну это как водится, – скромно потупив глазки, подтвердил Абрамс.

– Нет уж. Подготовь нам две комнаты. Мне отдельную, а они вчетвером переночуют.

– Как прикажете, – не скрывая своего разочарования, проговорил он. Не переигрывал хозяин, все в пределах роли: какой хозяин постоянного двора откажется заработать побольше, если есть такая возможность.

Двое, неся все пожитки, направились за старшим, лет тринадцати, сыном хозяина, которому отец приказал показать постояльцам комнаты. Дочь примерно пятнадцати лет торопливо расставляла на столе посуду. Жена деловито проследовала на кухню – быстренько сообразить что-нибудь, чтобы путники пока могли посидеть в ожидании ужина, да и ужин готовить нужно было. Вот только работника нет.

Жан со вторым охотником направились на выход, недвусмысленно поправляя штаны, при этом парень виновато развел руками – мол, ничего не поделаешь, природа требует свое. Хозяин лишь ухмыльнулся и направился на кухню.

В одиночестве прошло не больше двух минут. Двое парней спустились в общий зал, один из них легонько кивнул Андрею, сидящему за столом и потягивающему эль. Началось. Старшего сына уже убрали. Затем вернулись те, кто ходил на улицу, и Жан также подал сигнал, что работника нашли и тоже позаботились о нем.

Хозяйская дочь вновь появилась в зале и направилась на лестницу – видимо, ей что-то потребовалось в ее комнате, а может, родители за чем-то послали. Когда девушка уже не могла видеть, Андрей мотнул в ее сторону головой, и один из парней скользнул за девушкой – охотник был совершенно бесшумен, хотя под его ногами была не лесная земля, а половые доски.

Младший Абрамс, мальчик лет одиннадцати, ничего не заметил, шуруя кочергой в камине. Андрей, проклиная себя последними словами, скользнул к мальчишке и, схватив его за горло, тут же оторвал от пола, чтобы дергающийся пацан не поднял шума. Так он его и держал на вытянутых руках, пока паренек не затих. Он и сам не заметил, как из его глаз брызнули слезы, дыхание стало прерывистым, словно это его сейчас душили, по капле выдавливая из него жизнь. Когда парнишка затих, он бережно опустил его на пол и, сев рядом, тихо завыл, содрогнувшись тому, что только что совершил.

Вышедшие из кухни трое охотников так и застали его плачущим над телом мальчика. Тихо подвывая, он сотрясался всем телом от рыданий. Внутри не было ничего, а в голове вместе с тоской билась только одна мысль – о том, что он обязан был поступить именно так, иначе под угрозой были все те, кто стал ему за последнее время дорог. Он уже не рефлексировал на убийства людей, ему не раз приходилось делать это, но вот так хладнокровно убить ребенка, даже спасая других... Инквизиция дорого заплатит ему – ведь именно их тень толкнула его на это.

Спустился и тот, что направился за хозяйской дочкой, вид у него был мрачный, но решительный, в руке он сжимал кожаный мешочек. Жан быстро заглянул в него, взял щепотку находившегося внутри зелья и, понюхав его, вернул обратно.

– Не убивайтесь вы так, господин Андрэ. Да, мальчик, но только если дочь была в курсе дел родителей, то что уж говорить о парнишках. Это порошок из сон-травы, – протянув мешочек, сказал он Андрею. – Если бы мы остались здесь на ночь, то утра уже не увидели бы.

– Этот слишком мал, мог и не знать, – сквозь рыдания проговорил убийца. – Работник тоже мог быть невинным. Прости меня, Господи.

– Это так, но другого-то выхода не было: они нас видели, а инквизиция умеет спрашивать и делать правильные выводы.

Еще минут пять он переживал содеянное, но затем поднялся и начал раздавать указания. Охотники спешно начали их выполнять. Всех разнесли по комнатам, раздели и уложили в постели. Инквизиторы будут копаться со всем тщанием, а потому Андрей не хотел оставлять никакой зацепки – кто знает, насколько они профессиональны. Именно поэтому все были именно задушены, хотя было бы куда гуманнее сломать шею, ну хотя бы тому же мальцу, но предугадать, насколько тела пострадают в пожаре, он не мог: перелом шейных позвонков мог родить подозрения. Они даже вымыли и поставили на место посуду, которую успели использовать.

Уложив труп работника в его каморке, Жан поставил рядом с кроватью почти пустой кувшин вина и поджег лучину, уронив миску с водой, в которую должны были падать угольки от нее. Все выглядело так, словно напившийся работник забыл потушить лучину, да еще и уронил миску с водой. В общем, полное небрежение правилами противопожарной безопасности. Правда, на стену возле лучины плеснули немного масла, ну да это уже установить не смогли бы и в его мире, не то что здесь.

Они простояли на дороге в пределах видимости постоялого двора около часа, пока над постройками не начало подниматься зарево. Все это время, неприятно передергивая плечами, они слушали вой цепных волкодавов, почуявших смерть хозяев. Постоялые дворы никак не охранялись, если только на постой не становились купцы или отряд воинов, которые организовывали караульную службу. Если же на постое никого не было, то эту роль выполняли волкодавы, которых на каждом подворье было не меньше четырех.

* * *

Через несколько дней к Андрею пришел падре Патрик. Нет, он, конечно, бывал у него практически каждый день, они частенько засиживались вечерами за шахматной доской, если Андрей не был занят в кузнице или не корпел над чертежами в кабинете, но в этот раз падре был взволнован и даже не пытался скрыть своего волнения.

– Андрэ, сын мой, нам нужно поговорить.

– Может, сначала пообедаем?

– Нет.

Понимая, что сейчас старику в глотку кусок не полезет, Андрей сделал приглашающий жест по направлению к кабинету. Одновременно он подал знак своей жене, что волноваться не о чем, и изобразил нечто, что должно было говорить, что у старика в голове появилась какая-то причуда, – благо у того на затылке не было глаз. Анна едва слышно пискнула, зажав рот, – настолько муж выглядел уморительно, кривляясь за спиной священника, – однако другой рукой она погрозила своему супругу кулачком, и тот, изобразив смирение, направился за падре.

Если бы только Анна знала, каких трудов стоило Андрею изображать безмятежность, да еще и по-скоморошьи кривляться! Он-то прекрасно знал, что произошло пару дней назад, и, несмотря на то что следов никаких не осталось, происшествие это могли связать с ним проще пареной репы: инквизиторы-то погибли по дороге к ним. Хотя живых свидетелей, которые могли бы указать на него или его людей, не было.

– Что случилось, падре? Вы так взволнованы...

– Есть причины, поверь мне, сын мой. Только что вернулся из Йорка приказчик Эндрю.

– Мы ждали его на днях, но...

– Не перебивай меня. Он сообщил, что в двух днях пути от нас на дороге обнаружены останки отряда инквизиторов.

– Кто-то посмел напасть на святую инквизицию?! – изобразил Андрей искреннее удивление. – Мне казалось, что это невозможно в принципе.

– Как видишь, это не так. Как сказал Роберт, на отряд инквизиторов, направлявшийся к нам, напали сначала разбойники, а потом стая голодных волков. Инквизиторы, конечно, стараются не распространяться на эту тему, но слухи ходят. Они вроде бы уже кого-то поймали из ватаги разбойников.

При этих словах Андрей отвернулся, чтобы падре не заметил, как изменилось выражение его лица. Наполнив две кружки вином и сумев справиться с охватившей его тревогой, он предложил святому отцу выпить. Окончательно подавить волнение ему не удалось, внутри набатом звучала тревога, но по меньшей мере внешне он сохранил спокойствие и даже сумел говорить без дрожи в голосе. Да-а, все же за прошедшие века святая инквизиция поднаторела-таки в раскрытии преступлений, здесь он оказался прав.

– Ну напали на них разбойники, а потом волки, мы-то тут при чем?

– А при том, что ты не слушаешь меня, сын мой. Они ехали К НАМ, понимаешь?

– Да у нас-то они что забыли?

– Не обижайся, но причина в тебе.

– Интересное дело. Чем же я мог привлечь внимание святой инквизиции?

– И это я слышу от того, кто вмешался в Божий суд и оставил святую инквизицию с носом!

– Падре, вы сами сказали, что я вмешался в Божий суд, и он свершился. Насколько мне известно, все приняли волю Господа нашего, выказанную на том суде.

– Так, да не так. Волю Господа они, конечно, приняли, но кто сказал, что это была однозначно воля Создателя?

– Все, я запутался. Так выказал свою волю Создатель на том поединке или нет?

– Борьба добра и зла, света и тьмы, Господа и сатаны начата в незапамятные времена и длится по сей день. Как считаешь, длилась бы она столь долго, если бы Господь мог так просто победить врага рода человеческого? Где-то побеждает Господь, где-то они приходят к равновесию, где-то Господь вынужден немного отступить, ибо борьба ведется между ними руками созданных Господом людей, среди нас, а потому сатана использует слабости людей и слабость духа, и именно поэтому Господь наш пока не одержал окончательного верха, потому что борьба идет в первую очередь за наши души.

– Вы хотите сказать, что бывали случаи, когда результаты Божьего суда признавались недействительными? Но ведь это абсурд.

– Инквизиция прибегает ко многим приемам, чтобы сохранить власть Церкви. Ты заметил, сын мой, насколько бедны наши храмы и сами священники. Но это все показное, ибо главное богатство, которое сосредоточено в руках святых отцов, – это власть. Простой священник может потребовать, заметить, ПОТРЕБОВАТЬ от барона или графа поступить тем или иным образом, ну, к примеру, помиловать приговоренного к казни, – и тот подчинится.

То, что дальше поведал падре, на многое открыло глаза Андрею. Оказывается, любой преступник мог найти приют в церкви, и если священник давал этот приют, то светские власти были попросту бессильны что-либо сделать, если только Церковь не решала выдать того. Именно таким образом и пополнялись ряды святого воинства. В этом мире не было распространенных в том, оставленном Андреем, мире орденов, вместо них пришел один-единственный, да и тот не был орденом как таковым, так как это была святая инквизиция. В это воинство поступали все преступники, военные или просто разбойники, над кем простерла свое благословение святая Церковь, отпустив их прежние прегрешения в обмен на службу Господу. Нет, были, конечно, и такие, кто шел в войско инквизиции по своей воле, искренне желая служить святому делу борьбы с сатаной и его порождениями, но их было мало. Были и те, кто направлялся служить в эти войска на определенный срок ради искупления грехов – такая своеобразная епитимья или индульгенция, это уж как кому.

Еще падре поведал Андрею о том, что все его новшества, которые, казалось бы, приносили облегчение людям, увеличивали производительность и как итог несли повышение благосостояния, на поверку оказывались происками сатаны, ибо Господь повелел чадам своим во искупление грехов добывать хлеб насущный в трудах тяжких, а все, что несет облегчение на этом свете, – это от лукавого. В эту же копилку падало и приобщение селян к чистоплотности, так как это указывало на чрезмерную заботу о плоти, а это также грех. Церковь вообще призывала ходить в рванье и никогда не мыться, ибо только так можно было очистить дух. Вшей и вовсе не считали паразитами, а даже называли «Божьими жемчужинами», указывающими на святость, – а тут такое поправление постулатов! Получение же высококачественной легированной стали в мире, где оружие из такого металла было величайшей редкостью и стоило баснословных денег, да еще использование в качестве изначального сырья самой плохой руды...

В общем, инквизиции, оказывается, было где разгуляться и обвинить Андрея во многих грехах, а вместе с ним и его людей, и увлекшегося новинками и слишком рано посчитавшего себя в безопасности падре. Дела были не просто плохими, а очень, очень плохими.

«Да-а, падре. Так ты решил воспротивиться системе, а система не любит, когда ей кто-либо противится, а уж своих-то смутьянов с потрохами сжирает. Нет ничего удивительного в том, что тебя объявили еретиком, а тут – я, весь такой белый и героический. Ведь решил же не высовываться – нет, выперся посреди площади с революционным транспарантом. Теперь понятно, почему Церковь так преследует все новое и на протяжении сотен лет тормозит процесс развития. Я-то, грешным делом, сразу припомнил фантастические романы о том, как

потомки представителей высокотехнологичных обществ после какой-либо катастрофы регрессируют и скатываются до дикости. Здесь же, оказывается, все иначе. Ну утратились бы кое-какие навыки, но за такой срок люди все одно начали бы развиваться и уже дошли бы хоть до кремневых ружей и пара. Но Церковь, борясь за свою абсолютную власть, хотя и завуалированную, но единственно настоящую в этом мире людей, искусственно тормозит развитие общества, так как это повлечет за собой потерю их огромного влияния на паству. Подумать только, если папе станет неуютен какой-либо КОРОЛЬ, он может просто подтасовать факты, предать его анафеме и отлучить от церкви. Там, в моем мире, такие прецеденты имели место, но порой это оборачивалось головной болью для самих служителей Господа. Здесь это смертный приговор для монарха, так как народ, еще вчера восхвалявший его и искренне любивший своего сюзерена, после такого сам поволок бы его на костер, причем в прямом смысле этого слова. Даже если найдется часть верных сюзерену воинов, большинство выступит против него, науськиваемое Церковью. Что уж говорить обо мне. А как же Анна и наш ребенок? Нет, ну каковы подлецы! Как славно работают. Ну да я еще жив. Интриган, правда, из меня неважнецкий, но что-то придумать нужно. Подключайтесь, падре, без ваших мозгов мне не выкрутиться».

– Насколько плохи наши дела, падре?

– Очень плохи, – не стал обнадеживать его священник. – Я было понадеялся на свершившуюся волю Творца на том судилище, но совсем позабыл о том, что святая инквизиция никогда не отступает.

– И что, нет никакого выхода? Чем можно откупиться от инквизиции?

– Ничем. Они не берут штрафов. Деньги для них вообще ничего не значат. Беднее священников живут только церковные мыши. Это их плата за власть, это указывает пастве на их святость и на то, что они стоят выше любых сюзеренов, а потому имеют большее влияние.

– Так не бывает. Вы сами говорите, что они держатся за свою власть, а это уже корысть. Там же, где есть корысть, должна быть и цена. Их не интересуют деньги, но что-то их интересует? Как говорил один мой хороший знакомый, безвыходных ситуаций нет. Так что давайте думать.

Глава 2

Пограничье

Жара. Солнце палило нещадно, взирая на этот мир с чистого лазурно-синего небосвода. Нет, еще месяц назад все было не так плохо. Конец весны, мягкое ласковое солнце, земля, отдающая прохладой после зимы, цветущая, сочно-зеленая степь. Хотя бескрайние просторы и навевали тоску своей однообразностью, по весне на это взирать было еще терпимо. Но сейчас, в конце июня, взгляд уже ничто не радовало. Желтая пожухлая трава, выжженная солнцем, подавляла своим видом. Казалось, что этот пейзаж был таким со времен сотворения мира. Подумать только, через каких-то две сотни километров от этого места возвышались горы, росли обширные вековые леса, зеленели луга – здесь же ничего этого не было, только иссушенная земля и ковыль до самого горизонта, куда дотягивается взгляд.

Андрей недовольно подвигал плечами, но помочь своему многострадальному телу не мог, так как для того, чтобы хотя бы почесаться, нужно было скинуть кольчугу и поддоспешник, но делать это в походе не рекомендовалось – опасно, знаете ли. Степь – она только кажется ровной как стол, на самом деле мест для укрытия целого войска в ней больше чем достаточно. Холмы, плавно перетекающие один в другой, балки, образуемые речками, многие из которых оживают только в сезон дождей и весной, а уже к началу лета пересыхающие без следа, даже дно этих рек зарастает травой, разве только несколько гуще, чем на склонах балок, да еще по дну высохших речек имеются островки кое-какой зелени. Так что вероятность внезапно напасть на отряд кочевников или отдельного стрелка была довольно высока.

Хотя желание снять доспехи и дать телу отдых было очень сильным, он решил не рисковать. А тут еще эти «Божьи жемчужины», проклятые вши в простонародье, которые, казалось, отрывались на нем за все те годы, что он обходился без них. Нет, ну чего плохого в том, чтобы регулярно мыться? Нельзя. Грех. От него сейчас несло как от давно не мытого, но регулярно использующегося унитаза, но поделаться с этим он ничего не мог.

Небольшой отряд из двух десятков всадников на заморенных конях сейчас находился в балке. Андрей ожидал донесений от высланных на урез склона разведчиков – те едва угадывались, распластавшись наверху, хотя до них было не больше полутора сотен шагов. Все же покраска чехлов доспехов и одежды в песчаный цвет с вкраплениями коричневого прекрасно подошла к данной местности и хорошо маскировала. Не зная он о том, что воины находятся именно на этом месте, – скорее всего, и не заметил бы расположившихся на возвышении лазутчиков.

Он в очередной раз неприятно повел плечами и оглянулся. В паре десятков шагов за спиной воинов расположились пять обозников, которые сейчас удерживали заводных коней. Хотя они также были облачены в кольчуги, упрятанные под камуфлированные чехлы, и надо заметить, кольчуги эти были ничуть не хуже тех, что были на воинах, из оружия у них имелись только боевые ножи и арбалеты. Впрочем, при ближайшем рассмотрении было видно, что обозники весьма молодого возраста, не старше четырнадцати лет, поэтому какое-либо более серьезное оружие им не под силу, но сжимаемые в руках арбалеты были силой весьма грозной. В случае опасности эти мальчишки могли достаточно эффективно поддержать своих старших товарищей, а пять болтов, пущенных умелой рукой, иной раз решали очень многое. В отряде их было всего шестеро, но шестой сейчас остался на хозяйстве в крепости: кто-то же должен присмотреть за имуществом отряда. Оно, конечно, в дальних гарнизонах воровство не процветало, но инциденты имели место, а экипировка у отряда была хорошей. Там же находился и кузнец, который решил отправиться вместе с отрядом, разумеется, за солидное вознаграж-

дение, но больше все же по вассальной клятве. Без кузнеца воину никак нельзя: железо постоянно требует правки и ремонта, тем паче если походы нескончаемы.

Бросив взгляд влево от себя, Андрей посмотрел на падре Томаса, прикомандированного к его отряду святой инквизицией. Невысокого роста крепыш с кривыми ногами, кривизну которых не способна была спрятать даже ряса, весьма уверенно восседал на высоком скакуне, хотя и считалось, что более приличествует святому сану осел, ну в крайнем случае мул. Впрочем, при более внимательном рассмотрении инквизитора в глаза сам собой лез бывалый воин. Об этом говорило все – и осанка, и экономные выверенные движения, и уверенная посадка, и даже ряса, полы которой очень напоминали Новаку кавалерийские шинели, так как спереди и сзади имели длинные разрезы, что позволяло вполне комфортно чувствовать себя в седле, под рясой угадывались крепкие кожаные штаны. Одним словом, бывалый кавалерист да и только. Только глаза выдавали ярого фанатика – Андрей не взялся бы объяснять, чем взгляд фанатика отличается от взгляда обычного человека, но отличать их уже мог безошибочно: был в этом взгляде какой-то негасимый, все пожирающий огонь и неистовая вера.

То, что из святого отца во все щели пер воин-ветеран, как раз не было удивительным. Падре в свое время был великолепным кавалеристом, лучшим бойцом в конной дружине графа Форволка, а впоследствии и пограничья, но потом он вдруг проникся верой в Господа и решил, что может служить только ему. Церковь благосклонно приняла в свои объятия нового брата и, проведя с ним небольшой ликбез, направила нового служителя Господа на южные рубежи, – а как они еще могли использовать бывшего воина, на которого снизошла благодать Господня? – только в борьбе с порождениями сатаны.

Андрей был несказанно рад, что к ним приписали именно этого представителя святой инквизиции. Избежать назначения в отряд соглядывая не было никакой возможности, так как все кавалерийские отряды в крепостях на южных рубежах имели таковых, – Церковь объясняла это тем, что воинам, непрестанно находящимся на территории исчадий ада, необходим духовный отец, который бы сумел оберегать их от происков сатаны. Правда, были два момента, которые для Новака оставались загадкой. Почему это распространялось только на южные рубежи, когда в приграничных поселениях с лесными орками зачастую не было никаких священников, не говоря уж об инквизиторах? И почему этим священником был инквизитор? – уж кто-кто, а проповедники из них были еще те, они безгранично были преданы христианству, но нести свет этой веры были способны только посредством костров, в крайнем случае – епитимий, накладываемых на паству.

Но назначение именно падре Томаса он одобрял целиком и полностью. Падре оказался неисчерпаемым кладом премудрости ведения кавалерийских боев, и в частности в степи. Именно благодаря ему за прошедшие два месяца отряд стал одним из лучших на границе. Впрочем, заслуга в этом была и Андрея, так как, понимая, что его жизнь напрямую связана с боевой эффективностью отряда и его самого, он каждую свободную минуту нещадно гонял своих бойцов и себя родного, повышая боевую подготовку. Нет, его бойцы конечно же были весьма неплохими пехотинцами и могли достойно встать в строй с другими воинами, но тут-то им предстояло служить совершенно в ином качестве, – Андрей предполагал, что такая епитимья ему и его людям была назначена с умыслом. Дело в том, что до семидесяти процентов потерь в гарнизонах пограничных крепостей несли именно патрульные конные отряды, а к Андрею у инквизиции был свой счет, хотя и негласный: спасенный практически из самого костра падре Патрик, и хотя не удалось доказать связи Новака с гибелью отряда инквизиторов, но и это ставилось ему в вину: направлялись-то они в село Новак.

Вскоре одна из фигур на вершине склона немного сползла вниз и, когда опасность быть замеченным миновала, поднялась и бодрой рысцой рванула к отряду.

– Что там, Джеф?

– Сэр Андрэ, как мы и предполагали, те два отряда нашли друг друга. Они сейчас на равнине гоняются друг за другом и мечут стрелы.

– Как успехи?

– Так себе, – разочарованно проговорил ветеран. – И те и другие опытные бойцы, так что потери пока вроде как равные и небольшие. Они оттягиваются от нас в сторону южных холмов.

– Ну что же, это уже радует: по меньшей мере, движутся они от нас, а не к нам.

– Как вы можете радоваться тому, что исчадия ада движутся от нас, а не к нам? Так они избегают заслуженной кары от христианского оружия!

– Но мы ведь не собираемся оставлять их в покое, – поспешил заверить падре Андрей. – Мы только дадим возможность им самим немного уменьшить свое количество, а потом нанесем завершающий удар. – Нет, объяснять падре Томасу прописные истины, благодаря которым, кстати, они пока выходили победителями, он не собирался, тот и сам все прекрасно понимал. Мало того, большинство из того, что они применяли в бою, они приобрели именно благодаря инквизитору, но иногда его накрывало. Вот как сейчас.

«Блин. Ну чисто комиссар в сорок первом, который имел полное право отменить приказ командира, если тот казался ему неверным. Командирам Красной армии приходилось быть не только командирами, но еще и политиками, местечковыми такими, но от лояльности комиссара зависела порой их жизнь. И этот туда же. Ублажай его, чтобы потом не аукнулось».

– Значит, мы не победим, как в прошлый раз?

– Падре, вы же прекрасно понимаете, что мы не могли сражаться с тем отрядом: там было две сотни всадников. Но зато мы предупредили гарнизоны крепостей, и орков встретили. Ведь именно это наша основная задача – отслеживать перемещение отрядов степняков. – Андрей давно уже понял, что когда того накрывало, то спорить с падре было бесполезно: можно было только вот так, ненавязчиво, с подобострастием уговаривать его, пока до того не доходило, что РЫЦАРЬ с почтением оправдывается перед ним, служителем Господа.

– Хорошо, сын мой. Я вижу, наставления скромного служителя нашей матери-Церкви не пропали даром.

Все. Святошу вроде отпустило. Теперь можно было говорить более деловым тоном. Боже, как он устал от этого. Но радовало уже то, что эти два отряда в набег пошли независимо и, по всей вероятности, принадлежали двум враждующим кланам, а потому, обнаружив друг друга, самозабвенно начали резаться, или, если быть точным, обмениваться смертельными презентами в виде стрел. О набеге на земли людей пока можно было не беспокоиться. Во всяком случае, эти отряды в набег всяко-разно не пойдут, даже если их и не добивать. Уйдут в свои стойбища зализывать раны. Победителям же достанутся все трофеи, которые окажутся на поле боя. Конечно, это не то, что при нападении на селение людей, но тоже немало. Степь весьма скудна, чтобы не радоваться хоть какому-то прибытку.

Тут следует отметить, что бой степняков в значительной мере отличается от такового их собратьев из леса. Ареной, на которой разыгрывается сражение, могут стать сотни квадратных километров степи. Бывало, что противники ни разу не сходились грудь в грудь, решая исход сражения только при помощи стрел, которых эти ребята таскали с собой до неприличия много, используя выючных лошадей. Во время боя оба противника находились в постоянном движении, кружа по степи, всякий раз стараясь занять выгодную позицию, – тут учитывалось множество факторов: и положение светила, и направление и сила ветра, и характер почвы и самой местности.

Орки прекрасно могли использовать складки местности, нередко теряя друг друга из виду, но не питая иллюзий относительно того, что противник забыл о них: они и сами, используя холмы и балки, старались занять более выгодную позицию, скрытно подобраться к противнику и внезапно нанести удар по неприятелю, и желательно в спину. Только первый удар имел хоть какие-то шансы нанести врагу ощутимые потери, так как потом воины начинали боевую

пляску, и нужно было быть весьма искусным и везучим, для того чтобы попасть во всадника, уже ожидающего удара. Лучниками они были превосходными, но вот только им противостояли столь же прекрасные бойцы и наездники.

С людьми было проще – в большинстве случаев те ограничивались патрулированием, а едва заметив вражеский отряд, старались тут же оторваться и сообщить о нем в крепость. Надеяться людям было практически не на что: составить конкуренцию оркам ни в стрельбе из лука, ни в искусстве верховой езды они не могли. Так что приходилось уповать на скорость лошадей, которая у их рослых скакунов была повыше, чем у степных лошадок, а также на прочность доспеха, которые тоже были попрочнее орочьих. Правда, если погоня затягивалась, преимущество в скорости сводилось на нет просто поразительной выносливостью коней кочевников. Именно поэтому отряды всадников в крепостях несли весьма ощутимые потери.

Конечно, и среди людей находились отряды, которые могли весьма успешно противостоять оркам, но их было не так много, да и были они малочисленны, не больше полусотни всадников, – впрочем, это в лучшем случае, в основном же – не больше двух-трех десятков. Орки же меньше чем по полусотне воинов в поход не ходили – бывали, конечно, исключения, но весьма редкие. Для проведения похода в основном объединялись несколько родов, обычно два, ближайшие соседи, так как представителям более дальних родов и веры было поменьше.

Одним из таких состоятельных отрядов и был отряд Андрея, который появился в этих местах два месяца назад, как только степь просохла после весенней распутицы. Что было самым удивительным, так это то, что за это время они хотя и имели раненых, но пока не потеряли ни одного бойца, а орков положили не меньше сотни. Но имелся один нюанс: в доказательство своих побед они не могли представить ни одного браслета. Как выяснилось, это украшение носили только лесные орки, степные обходились татуировками, которые сразу же блекли, едва носитель этой татушки погибал, а через час от нее не оставалось и следа.

Столь низкий процент потерь в отряде Андрея объяснялся тем фактом, что кольчуги на воинах Андрея были не совсем обычными. Нет, покрой и техника изготовления оставались почти такими же, как и везде, только они были усилены стальными же пластинами, что применялось многими, кто мог позволить себе это, но вот материал... При изготовлении этих кольчуг использовалась стальная проволока, чего не было ни у кого другого, так как сталь была чрезвычайно дорога, однако Андрей решил, что жизни его людей ему дороже. Так что стальные доспехи весьма способствовали сохранению плоти его воинов. В первых схватках, когда они только набавывали опыт, лишь это преимущество и позволяло им выжить, да еще, пожалуй, необычность тактики боя.

Как они и ожидали, орки довольно долго кружили на открытой местности, нанося потери своим противникам. За это время они успели отдалиться от места первого столкновения километров на десять. Но, как говорится, всему приходит конец.

Потери одного из отрядов достигли какого-то определенного предела, и оставшиеся четыре десятка орков начали планомерное отступление. Казалось бы, ничего особенного не произошло, но в их поведении что-то изменилось. Уже наметанный глаз Андрея явно различил признаки отступления. Орки во втором отряде также заметили, что противник начинает отход, но в погоню не рвались. Стоит потерять осторожность и броситься в безудержную атаку, как проигрывающая сторона может нанести большие потери и поменяться ролями с, казалось бы, еще несколько минут назад выигрывавшим сражение отрядом. Бой в степи может течь бесконечно медленно, но всегда готов взорваться стремительностью, и, как пойдут дела после этого взрыва, предсказать можно далеко не всегда.

– Что скажешь, Джеф?

– А чего тут говорить-то. Эти места мы знаем. Эта балка делает петлю, огибая ту равнину. Так что мы можем воспользоваться ею и немного опередить орков. Они-то на заморенных конях – мы на свежих.

– Предлагаешь атаковать отступающих?

– А чего на них смотреть-то. Всяко-разно уйдут. Через пару миль идет гряда холмов с крутыми склонами – и только один узкий проход на стыке, – те, кто гонятся, это знают прекрасно, убегающие тоже, а в той узости можно понести большие потери, так что рисковать не станут.

– А если тоже воспользуются этой балкой?

– На замороженных конях им не угнаться. А заводные остались слишком далеко. Нет, дальше гнаться они не станут, – уверенно закончил ветеран.

– Как вы думаете, падре?

– Он прав. Орки, скорее всего, разойдутся. Десятка полтора воинов они сшибли да заставили бросить заводных и выючных лошадей, так что какая-никакая добыча есть, рисковать они не станут, – согласился с Джефом падре Томас.

– Ну значит, наш черед.

Всадники дали шпоры коням и рысью двинулись по дну балки. Спешить особой нужды не было. Орки, скорее всего, достигнув прохода, остановятся там, поджидая противника, но тот не сунется в эту ловушку – это знали и те и другие, – но просто отступить было нельзя. Наконец оставленные в покое остановятся там на отдых. Идти на замороженных конях на открытое место... Нет, такой глупости от них не дождешься. Вот тут-то на расположившихся на привал орков и собирался напасть Андрей.

Продельвалось это уже не раз. На открытое столкновение Новак старался не идти, и пока ему это удавалось, а заодно получалось и избегать потерь. Он старался сохранять осторожность всегда, даже когда на его стороне было явное преимущество: пополнений не предвиделось, так что цель была одна – нанести оркам максимальный ущерб, сохранив своих людей, которые с каждым днем набирались боевого опыта.

Была и другая причина такой неторопливости. Нет, он не боялся того, что их кони устанут, в конце концов имелись заводные, которых можно было оседлать перед схваткой, – в итоге так и планировалось сделать: в степи всадник на уставшем коне уже практически мертв. Но вот скрыть пыль из-под копыт несущихся во весь опор лошадей не так-то и просто. Вернее, на сухом грунте это невозможно. Всадник, несущийся по степи в галоп, считай, вывешивал транспарант с надписью «Я здесь» на многие километры окрест.

– Сэр Андрэ! Заслон нагоняет!

– Сто-ой! – тут же среагировал Андрей на предупреждение Джефа. Если заслон без приказа покинул свое место в арьергарде, то тому были причины, и оставить их без внимания он не мог.

– Что случилось? – поинтересовался он у двух воинов, подскакавших к нему.

– Сэр, там по балке скачут орки, – поспешил доложить Рон.

Этот ветеран когда-то раненым попал в плен к Андрею и решил дать ему присягу. Просто так он не стал бы поднимать тревогу – недаром Андрей по совету Джефа и Тэда назначил его десятником.

– Какие орки?

– Дак те, из второго отряда.

– Нормально. Им что, мало того, что смогли взять?

– Может, и мало. Да только нам-то что делать?

Вопрос. Уйти не получится. Они, скорее всего, уже обнаружили следы людей, а уж понять, что это люди, особого труда не составит. Даже используя лошадей, захваченных в качестве добычи, орки перво-наперво срывали с них подковы, так как пользовались неподкованными лошадьми: металл слишком ценен, чтобы использовать его в качестве подков. Так что определить, что здесь не так давно прошли полсотни подкованных лошадей, и понять, что это люди, им запросто.

– Падре? – Как ни негативно он относился к инквизитору, но опыта у того было на два порядка больше, чем у Андрея, да и вообще у кого бы то ни было в отряде, и, пожалуй, немногие смогли бы поспорить по этой части на всей границе.

– Раз уж гонятся, то коней сменили, а значит, догонят. Тех орков звать не станут. – Падре Томас имел в виду дурную привычку орков забывать о своих распрях и наваливаться всем скопом на внезапно появившихся людей. – Следы они читают хорошо, а потому уже посчитали, что всадников не больше трех десятков. Без заводных в степь не сунется даже полный дурак, прости господи. А так у них сил хватит, не станут они делиться добычей.

– Их вожак не иначе решил, что сатана сегодня на их стороне. Сначала потрепали одних и взяли добычу, теперь людской отряд, – зло сплюнув, процедил Джеф.

– Ничего. Как говорил один мудрец: «Бог помогает не большим батальонам, а тем, кто лучше стреляет». – Андрей был вынужден быстро отвести глаза в сторону, так как инквизитор бросил на него неодобрительный взгляд. Все прекрасно знали, какими стрелками являются орки, так что его слова можно было истолковать неоднозначно. – Вперед. Нужно найти место для засады.

Отряд на рысях двинулся дальше по балке, и вскоре за очередным пологим поворотом перед ними показались небольшие заросли камыша. Искать что-либо лучше не приходилось. Орки попросту не оставляли на это времени. С другой стороны, и место было весьма удачным.

– Брук! – подозвал он своего оруженосца.

– Да, сэр.

– Лошадей – в заросли и стреножить. Потом берешь своих мальцов и бежишь вон к той промоине. – Андрей показал на промоину, появившуюся на склоне балки от стока воды, располагавшуюся примерно в двадцати шагах перед предполагаемой позицией в камышах. Она была глубокой – никак не меньше метра, что позволяло стрелкам до поры не отсвечивать, и стрельбе не помеха, а сами мальчишки оказывались под прикрытием, во всяком случае всаднику их там не достать – если только из лука, – ну да и ребятки не безоружные. Обозники ввиду малолетнего возраста и, как следствие, малосильности были вооружены пехотными арбалетами, взводимыми ногой: кавалерийский, взводимый руками, им был по плечу только с одним слоем стальных дуг, а это снижало дальность эффективного выстрела настолько, что использовать его в бою было нецелесообразно. Другое дело – пехотный арбалет, он был грозен и в их руках. – Схоронитесь там, чтобы вас не заметили. Бить только после нас. И смотрите мне, один болт – один орк, если найду два болта в одном теле – выпорю.

– Слушаюсь. Эй, парни...

– Слушать меня, – отправив Брука, обратился он к воинам. – Подпускаем орков на пятьдесят шагов, бьем из арбалетов – и строим в копья. Мальцы поддержат нас с фланга. Всем все ясно? Вот и ладушки. Готовьтесь.

Рывком ослабив ремень щита, он перекинул его вперед, продев в петли левую руку, продвинул его вверх по предплечью, чтобы можно было целиться из арбалета. Проверил, легко ли ходит в ножнах шашка, которой, не мудрствуя лукаво, он вооружил своих людей. При этом он исходил из того, что орки в подавляющем большинстве используют кожаный доспех, усиленный металлическими пластинами, редко – трофейные кольчуги, а против этого вполне могла справиться легкая и острая шашка. Клинки, состоящие на вооружении дружины Андрея, немного модернизировали, изготовив с крестообразной гардой, и заострили наконечник, чтобы можно было наносить колющие удары, но, чтобы соблюсти баланс в сторону наконечника, вес шашки увеличился почти до двух килограммов. Однако, несмотря на это, клинок получился куда легче тяжелого меча, но вместе с тем гораздо прочнее, хотя о том, что оружие изготовлено из стали старика Тони, никто не упоминал.

Появление на вооружении отряда шашек инквизицией было воспринято благосклонно. Легкие клинки, казалось, не представляли опасности на фоне солидных и массивных мечей

и вовсе не смотрелись: те же орки использовали куда более массивные ятаганы. Только падре Томас при обучении отряда конному бою остался весьма доволен оружием и потребовал себе такое же.

– Она, конечно, легонькая и против панциря никак не пойдет, против кольчуги – еще туда-сюда, но вот кожаный доспех ей не страшен, а орки, почитай, все в коже бродят, – вынес свое заключение падре.

Инквизитор, а скорее все же ветеран-кавалерист, несмотря на то что впервые взял в руки этот странный меч, очень быстро сумел разобраться в способах применения оружия и самостоятельно пришел к выводу, что развесовка клинка говорит больше в пользу рубящего удара. Весьма быстро освоившись с шашкой, он тут же превратился в инструктора. Андрей только и мог, что восхищаться профессионализмом инквизитора: бойцом тот был первостатейным. Кое-что смог преподать и сам Андрей – уроки деда все же не прошли даром. Понятно, что дедушка не учил его конной рубке, как и езде на коне ввиду отсутствия одного, но рассказывать рассказывал, – теперь же эти наставления пришлось как нельзя кстати.

Бросив правую руку назад, он проверил, удобно ли сидит в петле копье, и, найдя его там, где и положено, удовлетворенно хмыкнул: ничто не мешает ему мгновенно выхватить его и изготовить к бою.

После этого Новак взял в руки уже взведенный арбалет и быстро наложил болт. Только один выстрел, а что прикажете делать. Нет, он непременно взял бы с собой огнестрельное оружие, да только дела сложились таким образом, что ему пришлось припрятать его куда подальше, чтобы не злить инквизицию. Более того, он был вынужден отдать один автомат и пистолет с парой сотен патронов этим святошам, заявив, что это все, что у него есть. Как же, оружие, привнесенное в этот мир сатаной! Автомат, а еще лучше пулемет, сейчас ох как не помешал бы. Проклятые святоши. Да и святоши ли? – скорее, стервятники, пирующие на костях своей же паствы.

Все. Вроде готов. Люди тоже готовы. Андрей бросил взгляд на пространство впереди. Место оказалось очень удачным. Промоина на пологом склоне доходила до самого дна и была довольно широкой. Противоположный склон был крутоват. Нет, шагом лошадка вполне и сама пройдет, и всадника пронесет, но то шагом. Вскать можно было двигаться только на узком участке не больше двадцати шагов, ограниченном как раз этой промоиной и крутым склоном.

Мимо воинов в сторону импровизированного окопа прорысили обозники, каждый нес по запасному арбалету из тюков со снаряжением – что ни говори, а еще по дополнительному выстрелу лишними всяко не будут.

Теперь оставалось только ждать и надеяться на то, что враг поперет буром. За прошедшее время Андрей успел уяснить одно: орки привыкли к тому, что малочисленные отряды людей, заведя степняков, старались как можно скорее увеличить расстояние между ними и собой. Именно благодаря этому его воинам до сих пор удавалось выходить победителями из тех немногих схваток, в которые они попадали.

Наконец послышался приглушенный топот неподкованных копыт: подкованные звучат несколько иначе – звонче, что ли, хотя грунт вокруг, казалось бы, особой твердостью не отличается.

– Приготовиться! – Команду-то подал уверенным властным голосом, а у самого озноб по телу пробежал. Не загрубел он еще настолько, чтобы загонять страх глубоко в тайники души. Ну да ничего, это пока не началось, а как начнется – куда все денется. Это было знакомо и привычно.

Как ни ждали орков, но они все же появились несколько внезапно, вынесшись из-за поворота примерно в ста шагах от выстроившихся в одну линию людей. Противник несся плотной группой, в которой было больше полусотни воинов. Многовато для отряда Андрея, но выбора все одно не было.

Несмотря на то что камыш и камуфлированная расцветка снаряжения неплохо маскировали его людей, орки обнаружили их практически сразу. Скачущие во весь опор степняки не успели еще проскакать и тридцати шагов после поворота, а у них в руках уже появились луки. Прозвучала команда вожака – и одновременно они начали быстро замедляться. Все. Их заметили. Дальше медлить нельзя.

– Бей!!! – надрывая связки, подал команду Андрей, ощущая, как страх буквально испаряется, а на его место встает какое-то исступление и задор от предстоящей сшибки.

Воины уже давно выцеливали противника изготовленными к бою арбалетами, поэтому, едва прозвучала команда, практически слитно хлопнули тетивы, пуская в стену орков смертоносные болты. На землю посыпалось около десятка степняков, вместе со всадниками завалились два коня. В рядах противника незначительное смятение, а это – фора, маленькая, на пару мгновений, но фора.

– В копыта!!! Марш!!! – Одновременно с командой Андрей бросил арбалет на специальный крюк на луке седла, который защелкивался подобно карабину на дуге лука арбалета. Прodelывая это, он уже дал шпоры коню, и тот рванул вперед. Рука сама уходит назад и перехватывает копьё, вытаскивая его из петли и изготавливая к удару. Встряхнув другой рукой, он заставляет небольшой круглый щит скользнуть вниз и перехватывает первую петлю, сжимая пальцы с такой силой, что белеют костяшки суставов, после чего прикрывается им, продолжая следить за окружающим пространством сквозь небольшую бойницу, образованную щитом и стальным козырьком шлема.

От его внимания не ускользает то, что весь отряд одним монолитным строем движется вперед. Нет, идеала нет, ну да откуда его возьмешь на поле боя – для подобного на парадах специально готовятся месяцами, – но все же для боевого порядка линия практически идеальная. Не зря падре, порой забывая о своем сане и матерясь, как и положено старому рубাকে, нещадно гонял его людей, едва выдавалась свободная минута. Даже вернувшись из похода, его люди имели только сутки на отдых, а потом, под непрерывные подтрунивания солдат гарнизона, истекали потом на тренировочном поле. Если вначале им и было обидно, то, осознав, что, в то время как другие подсчитывают свои потери, они считают, сколько орков отправили в преисподнюю, – как говорится, прониклись словами своего наставника: «Лучше сотню раз истечь потом на тренировке, чем один раз кровью на поле боя». А вот о сквернословиях падре вспоминать не рекомендовалось. Он этого не любил. Сильно.

Орки вновь вскинули луки – и тут стали падать на землю, выбиваемые малолетними стрелками из созданного самой природой окопа. У мальчишек также с личным временем были проблемы, так как они тоже тренировались, но несколько иначе. Андрей в их подготовке использовал свой опыт обучения солдат в той, прошлой жизни. Они учились использовать малейшую складку местности, канаву, пень, колесо телеги и тому подобное, из всех этих экзотических положений они тренировались бить из арбалетов. Двигались перекатами, ведя стрельбу, прикрывая друг друга. Били и из седел – как со стоящих лошадей, так и в движении. Учились садить на звук, правда, особых успехов в этом пока не было, но в радиусе метра от источника звука болты ложились. За день каждый из них выпускал по сотне болтов – могли и больше, но не меньше. Как говорится, если долго мучиться, то что-нибудь получится.

Пацаны стреляли не залпом, а бегло. С расстояния в полста шагов по практически неподвижному противнику. Как любил говаривать один знакомый Андрея: «Не смешите мои валенки». Ребята уже давно тренировались в поражении качающегося бревна на расстоянии в сотню метров, причем попасть из десяти болтов восемью уже не рекомендовалось – могло плохо закончиться. Десятники были весьма изобретательны по части различных наказаний или нарядов на работы.

Всадники еще не успели сойтись с орками, а малыцы уже успели разрядить все десять самострелов и ссадить десяток степняков. Сейчас, скрывшись в промоине, они спешно перезаряжались.

Наконец степняки ударили из луков. Несколько стрел летит в сторону атакующих, одна стрела бьет Андрею в щит, отсушив руку, но вреда не причиняет. Он слышит вскрики своих людей: кому-то не повезло, с такого расстояния стрелы пробивают даже стальную кольчугу, превосходящую по прочности обычную. Но люди быстро смещаются, заполняя бреши: многодневные тренировки не проходят даром.

Удар был страшен. Опрокинув своих противников и оставив в их телах копья, бойцы вырвали из ножен шашки, с ходу нанося рубящие удары. Находящийся справа от Андрея Яков мощным ударом разрубает щит, которым успел прикрыться степняк, и добирается до плоти, глубоко врезаясь в нее клинком. Остро отточенная сталь вязнет в теле, но человек-гора обратным движением вырывает из седла уже бездыханное тело, оно наконец соскальзывает с шашки и под действием центробежной силы, как снаряд из пращи, врубается в коня другого степняка, отчего лошадка едва не падает, но орк справляется с управлением, хотя ему это мало помогает, так как в следующее мгновение шашка Якова, проломив кожаный шлем с металлическими пластинами, разрубает его голову надвое, словно тыкву.

«Такого учить фехтованию – только портить, – почему-то успевает подумать Андрей, нанося удар своему противнику, который тот удачно парировал, но в следующее мгновение откидывается назад с арбалетным болтом в груди. – Паршивцы, работают на грани. Но молодцы, мать их». – Это уже о стрелках, которые и не думали успокаиваться на достигнутом, продолжая поддерживать своих старших товарищей.

Мощные высокие кони бойцов Андрея легко сбивали с ног мелких лошадок орков, беспрерывно мелькающие клинки беспощадно впивались в плоть, стрелки из своего укрытия, находясь на некотором возвышении, точными выстрелами ссаживали орков одного за другим. Наконец орки не выдержали этого комбинированного натиска и побежали. Возможно, причина была в том, что крупный воин в дорогой кольчуге и шлеме, украшенном белым конским хвостом, пал на землю одним из первых, заполучив сразу два болта в грудь. Но мелкие лошадки степняков, обладающие высокой выносливостью, проигрывают в скорости, а потому люди настигали орков и рубили их спины. Однако чуть больше десятка все же ушли.

Быстрый осмотр показал, что, хотя убитых и не было, двое получили довольно серьезные ранения стрелами в плечо, бойцы из них сейчас были никакие, но в седле они все же держаться могли. Один из воинов заполучил удар ятаганом по голове – шлем спас ему жизнь, – но в настоящий момент он был без сознания: налицо было сотрясение головного мозга, а возможно, и с шеей не все в порядке. На всякий случай его обездвижили: путешествовать ему придется на носилках, подвешенных между двумя лошадьми. Один подозрительно держался за бок – кольчуга выдержала удар и даже смогла смягчить его, но парень болезненно морщился при каждом вздохе. К счастью, ребра оказались целыми – скорее всего, имел место сильный ушиб или трещина. Царапины как ранения не воспринимались и вовсе. Наблюдая за своими людьми, Андрей пришел к выводу, что потери могли быть куда большими: помогла стальная рубаха.

В ситуации повального бегства что люди, что орки спасали самое ценное, а что может быть ценнее жизни? Поэтому людям Андрея перепала немалая добыча. Да что там, такой большой добычи им еще не доставалось ни разу. Больше полутора сотен только коней, так как им достались и лошади убитых орков, и заводные кони сразу двух отрядов. Больше полусотни комплектов воинского снаряжения, а самое главное – орочи составные луки, которые несколько превосходили оружие их лесных братьев. В общем, добыча была весьма впечатляющей. Лошади пользовались большим спросом в пограничных крепостях, так как были неприхотливы и выносливы. По большому счету только отряды разведчиков пользовались людскими породами. Андрей предпочел посадить свой отряд на высоких стройных красавцев чистых

кровей – дорого вышло, не без того, но денег на экипировку своих людей он не жалел. Для него было самым главным вернуться из этого похода живым и по возможности здоровым, а это могли обеспечить только его люди, никому другому он просто не доверял. Так что степные лошадки, несмотря на свою неказистость, были весьма ценной добычей.

Однако вместо радости на лице Андрея отражалась тревога и обеспокоенность. Он не раз слышал истории о том, как пересыщенные добычей воины погибали, не в состоянии вовремя остановиться, или же были вынуждены бросать добытый приз, спасая свою жизнь. Впрочем, пример последнему он только что видел, как говорится, наглядно, в исполнении орков.

Именно по этой причине, едва закончился бой, он отправил разведчиков во главе с Джефом, чтобы проследить за поведением первого отряда, который хотя и считался номинально разбитым, в действительности все еще представлял серьезную опасность для людей. Такое удачное место для засады, как это, встречается не так часто.

Новак справедливо полагал, что сбежавшие орки могут присоединиться к первому отряду, а затем они вместе навалятся на людей. Поэтому они не расслаблялись в течение еще пары часов, но Бог миловал. То ли взаимная вражда у двух родов была слишком велика, то ли для переговоров должен был присутствовать вождь, а возможно, первый отряд имел слишком много раненых, которые просто смогли удержаться в седле, – но ответа на свои действия люди так и не получили. Теперь можно было позаботиться и о трофеях.

Занятие весьма привлекательное. Если на севере трофеи целиком и безраздельно доставались воинам, то здесь, на юге, это выглядело несколько иначе. Все трофеи в первую очередь досматривались священником-инквизитором, который учинял форменный обыск, кое-что он забирал себе, и это что-то было небольшим и зачастую хранилось в кошельках. Не доставаясь содержимое этих кошель солдат – Андрей решил бы, что священник забирает деньги, но в кошельках было и золото, а порой, осмотрев их содержимое, священник и вовсе ничего не забирал. И такая процедура со всем – с одеждой, всеми вещами переметных сум. Сам падре Томас говорил о том, что забирает сатанинские знаки, которые потом передавались дальше по иерархии.

Это тем более было удивительным, что на севере-то в трофеи забирались даже золотые браслеты воинов орков, а это были те еще украшения. Если даже слегка всмотреться в изображенный на браслете тотем, то изображенный зверь приобретал объемное изображение, похожее на голограмму, словно зверь на браслете оживал, разве только был золотым, – при этом были отчетливо видны самые мельчайшие детали, такие как, например, вставшая на загривке дыбом шерсть, хотя сами рисунки были выполнены весьма неказисто. И еще. Даже если ты смотрел на, казалось бы, одного и того же зверя на двух браслетах, то и само изображение на браслете, и то, что ты видел на голограмме – ну не знал он, как это еще можно назвать, – отличалось друг от друга, даже при всей схожести ты просто понимал, что видишь другое животное, и все тут.

Андрей в свое время, последовав совету Эндрю и всмотревшись повнимательнее в браслеты, был сильно удивлен увиденным. Он пытался взглянуть на это глазами человека двадцать первого века, но не смог ничего понять – ну не было там никаких следов технологий. Вот где, казалось бы, сатанинское колдовство, но Церковь почему-то не придавала этому никакого значения, мало того – это было знаком доблести, и по предъявлении двадцати таких украшений воину вручалось звание рыцаря. Кстати, почему-то это правило не работало в отношении степных орков: те-то не носили ничего подобного. Андрей подозревал, что это связано с тем, что люди поначалу столкнулись именно с северными орками, и закон был принят именно тогда, потому что на степных рубежах люди сражались с орками куда чаще, и многие стоящие воины могли похвастать не одним десятком поверженных врагов. Что же такое могло быть у степных орков, чего людям нельзя было даже видеть, причем не у каждого воина? Вопрос.

– Сэр. Орки и не помышляют о нападении. Вероятно, заметив пыль, поднятую их врагами, они заняли вершину одного из холмов и не думают двигаться.

– А что с беглецами?

– Они и не пытались подойти к тем, убегали быстрее ветра, – задорно улыбнувшись, ответил Джеф.

– Ну вот и ладушки. Рон! Трофеи упаковали? – обратился он ко второму десятнику, на плечи которого и легла ответственность за взятую добычу.

– Все в лучшем виде, сэр. Можем выдвигаться.

– Падре?

– Вы выполнили свою задачу, сын мой. – Падре Томас вновь был сама добродетель, словно и не он, еще недавно сквернословя и богохульствуя, весьма профессионально рубил орков, а потом, как последний барахольщик, перетрясал их пожитки. – Можете позаботиться о добыче и раненых. – Хотя Андрей и его люди надели плащи с красными крестами, брать добычу им не возбранялось, и, что самое главное, вся она целиком, без остатка принадлежала им.

– Благодарю вас, падре.

– О чем ты, сын мой. Если бы все рубились, как твои люди, то мы не потеряли бы ни одного крестьянина, и эти земли были бы давно заселены гораздо плотнее.

В словах инквизитора была немалая доля правды. Отряд Андрея патрулировал земли в окрестностях крепости Криста, и за то время, что они несли тут службу, не было допущено ни одного прорыва степняков на территорию людей, чего нельзя было сказать об участках, охраняемых гарнизонами других крепостей.

Но ни Андрей, ни его люди не обманывались насчет того, что будет уже через несколько дней. А по истечении этого времени они вновь выйдут в степь, вот только теперь у них будут неполные десятки: раненым понадобится никак не меньше трех недель, чтобы оклематься после ранений, а это значительно ослабит и без того слабый отряд.

Поднявшись на очередной гребень холма, люди наконец увидели цель своего похода – небольшое озерцо с пресной водой, заросшее по берегам густыми зарослями камыша. На противоположном берегу озера, на вершине холма была видна крепостца, принадлежавшая людям. Впрочем, здесь все каменные строения принадлежали людям – ну не строили степняки укреплений, как и нормальных домов. Лесные орки обходились землянками, во всяком случае, две трети их хижин были врыты в землю, и только одна треть возвышалась над землей. Но это относилось только к фасадной части – уже боковые стены постепенно к заднему фасаду уходили под землю, и сзади кровля, также земляная, уже смыкалась с поверхностью. И самое главное, поселения лесовиков ограждались высоким частоколом. Кочевники и вовсе обходились шатрами, которые собирались из жердей и выделанных шкур. О наличии в их стойбищах каких-либо оборонительных сооружений говорить вообще не приходилось. Не было их – и все тут.

За эти дни им пришлось порядком поиграть в догонялки и прятки со степняками, которые, казалось, срослись со своими конями, – с другой стороны, это утверждение было недалеко от истины. Поговаривали, что кочевники, а степные орки, в отличие от своих лесных собратьев, были именно кочевниками, начинали ездить на лошади, еще не выучившись ходить, причем и самцы и самки – мужчинами и женщинами их называть не рекомендовалось, даже сакральное «баба» чревато, тем паче имея на плаще красный крест, указывающий на то, что ты состоишь на службе у инквизиции. А кто еще должен сражаться с порождениями сатаны в первых рядах, как не святое воинство? Правда, было непонятно, почему здесь, на юге, святое воинство вело борьбу с орками непосредственно – в каждом маломальском отряде имелся

инквизитор с горящими глазами фанатика, – а на севере с их лесными братьями должны были справляться сами бароны и графы.

Вернувшись мыслями к оркам, Андрей провел некую аналогию с историей людей на Земле. И там и здесь образ жизни степняков не больно-то и разнился – все же среда обитания накладывала свой отпечаток. Лесные орки, подобно тем же варварам, были отменными бойцами. Если бы люди не противопоставляли им хоть какое-то подобие строя, а до четких построений того же Древнего Рима им было как до Пекина... в общем, далеко, – то они уже давно познакомились бы с котлами детей сатаны, изучив их устройство исключительно изнутри.

Степные орки полностью соответствовали степнякам его мира – тем же Средним векам. Впрочем, по большому счету у них до сих пор феодализм, во всяком случае, в кочевьях быт мало чем изменился за прошедшие века, и рулят там по-прежнему старейшины, хотя это-то Андрей как раз не считал недостатком. Народ, у которого старики пользуются настоящим, неподдельным авторитетом, сам по себе заслуживает уважения. То, что живут не так, как мы, – ну и чего в этом плохого, они просто другие, вот и все. Конечно, он не видел ни одного кочевья ни у себя, ни здесь, но не сомневался в том, что быт и обычаи у них сильно совпадают.

Крепость была совсем небольшой и представляла собой квадрат со стороной в сотню метров. На углах стен и на стенах, точно посередине, возвышались башни. Две из них, на северной и южной стенах, являлись и надвратными. Укрепления люди предпочитали строить каменные, но крепости на границе со степью были кирпичными, из сырца: камень доставлять сюда то еще удовольствие, строить же из обожженного кирпича накладно, но для орков и эти укрепления были весьма серьезным препятствием. Огонь этим стенам не страшен, а каких-либо осадных машин кочевники не имели. Правда, стены были приличной высоты: эти бестии прекрасно пользовались веревками с кошками на конце, и такое осадное приспособление, как лестница, им также было известно, просто использовалось редко в связи с дефицитом строительного материала. В такой крепости отряд в сотню бойцов вполне успешно мог противостоять тысяче орков, а поди еще эту тысячу набери. Самый сильный род мог выставить не больше трех сотен бойцов, и хотя в один клан входило множество родов, с единоначалием у них были большие проблемы – слава богу, свой Чингисхан у них пока еще не появился, так что друг друга они резали с не меньшим энтузиазмом, чем людей.

Крепость располагалась не на самом большом возвышении в округе, а соответственно с обзором здесь было неважно, – это восполнялось высылаемыми ежедневно патрулями по пять всадников: пешком за ворота в этих местах выходили только для фортификационных работ, вот такая особенность. Более дальние подступы на многие мили вокруг патрулировались, так сказать, глубинной разведкой, и именно таким отрядом и командовал Андрей. Причина такого расположения крепости была банальной: с этого холма было ближе до воды, а это первейшее условие в степи. Это в лесах, куда ни плюнь, попадешь в ручей или речушку, – в степи, если не знать расположения источников воды, можно было плутать очень долго и в конце концов отдать богу душу. Нет, водоемов хватало, да вот только не всю воду можно было пить. Вокруг стен был вырыт ров – разумеется, водой он заполнен не был, но свою роль создания сложностей при штурме выполнял исправно, увеличивая высоту стен еще на добрых три метра.

– Кто такие?! – послышался окрик часового на стене. Воин, вероятно, просто изнывал от скуки, так как не рассмотреть отряд людей, да еще из своего же гарнизона, он просто не мог. Развлечений здесь было немного: либо попасть в патруль – опасно, конечно, но все разнообразие, – либо во время очередного нападения, тогда-то уж скучать не приходилось никому.

– Орки! Твою мать, не видишь?! – в сердцах крикнул Джеф.

Вояке приходилось нелегко. Жару он переносил хуже всех. Если при виде противника он преображался, сразу же забывая об этом неудобстве, то после того как угроза проходила, начинал мучиться по новой. Сразу за ним следовал сам Андрей, также не переносивший жаркого климата, – другим было все как-то легче.

– Не сквернословь, сын мой, – вдруг вскинулся падре Томас, не дававший спуску своей пастве.

– Простите, святой отец.

– Господь простит. Перед ужином трижды прочтешь «Верую».

Андрей мысленно посочувствовал своему наставнику и первому заму: не самую короткую молитву выбрал падре, ну да от него можно было ожидать и куда более серьезного наказания. Хоть на хлеб и воду не посадил – и то радость, а то были прецеденты... Только несколько обмороков на тренировках заставили инквизитора отказаться от этой практики. Воин должен хорошо питаться, чтобы всегда быть в форме, иначе он мог стать жертвой орков или невольно подставить своих же товарищей, а вероятность этого была довольно высока. Что касается понятливости падре, отряд Андрея был в этом обязан прошлому инквизитора. Как ни крути, он и сам в прошлом испытал все прелести службы и продолжал испытывать их и сейчас.

Вообще они были приписаны к этой крепости, носившей название Криста, но их маршруты неизменно пересекались с маршрутами патрулей из соседних крепостей, в патрулировании они проводили две трети своего времени, оно могло продолжаться и день и неделю – все зависело от того, насколько тихо вели себя орки. После каждого столкновения отряд спешил к крепости, чтобы сообщить о происшествии, – дальнейшее решение было за комендантом. Исключением могли послужить вот так удачно заканчивающиеся рейды, как у Андрея, так как обычно, убедившись в том, что степняки в набег не пойдут, они продолжали патрулирование. Но тут был случай все же особый. Большая добыча и наличие серьезно раненных лишали всадников какой-либо маневренности.

Приблизившись к южным воротам и подождав, пока опустится подъемный мост, выполнявший заодно и роль ворот, они въехали во внутренний двор. У ворот их встретил командир гарнизона – по местным меркам, вполне приличная кольчуга облегла крепкие плечи высокого мужчины с русыми волосами, спадающими на плечи, – что и говорить, грива была роскошной, если только отмыть ее, а так вид получался несколько отталкивающим, хотя они и были аккуратно причесаны. Погладив свою бороду, которая аккуратным клинышком уютно устроилась у него на подбородке, он улыбнулся, слегка прищурившись, из-за чего практически невозможно было рассмотреть его голубых глаз.

Андрей спешил: как-то неприлично разговаривать со своим начальником, сидя в седле, если тот в данный момент попирает ногами землю. Комендант без затей пожал руку подчиненного.

– Я вижу, вы не изменяете своим традициям, сэр Андрэ. Опять с добычей. Правда, в этот раз улов больно большой. – Затем, посмотрев ему за спину, уже более серьезно поинтересовался: – Потери?

– Трое раненых, сэр Бард, – вздохнув, доложил Андрей.

Как уже говорилось, стоящих кавалеристов в пограничных крепостях было не так много, и они постоянно несли потери, а потому коменданты буквально тряслись над своими всадниками, тем более если те были не просто мясом, а стоящими бойцами. Отряд же Андрея даже за такое короткое время успел приобрести весьма высокую оценку.

– Эрик! Срочно найди лекаря – и пусть он тащит свою задницу в лазарет, – озабоченно бросил он через плечо своему оруженосцу.

– Благодарю, сэр Бард.

– Вот еще. Мне без конных разведчиков тут быстро конец придет, а ты, сэр Андрэ, своих парней хорошо готовишь, так что мне от вас прямая польза, – поспешил тот выставиться таким расчетливым хозяином. Но Андрей знал, что хотя комендант и сам, по убеждению, надел плащ с красным крестом, к воинам относился строго, но любил их как свою семью, да и не было у него другой, только гарнизон крепости. Вот и относился он к своим воинам как любящий и строгий отец.

Когда с приветствиями и размещением раненых было покончено, комендант пригласил Андрея в свой домик, который по совместительству выполнял роль штаба. Под это дело использовалась самая большая комната – всего их в домике коменданта было две. Одна спальня и вторая, побольше, на все случаи жизни: и гостиная, и столовая, и штаб. Убранство было простым до убожества – или спартанским, это уж как кому. Посреди грязного помещения стоял стол, – вот уж с чем приходилось мириться, так как грязь и в замках богатых баронов и графов была нормой, – а уж в этих забытых Богом местах, где песок проникал всюду, и подавно. Андрею только оставалось поражаться, как в таких условиях не проявляются эпидемии, но вот не было их здесь – и все тут. Дизентерия с кровавым поносом и воспаления ран даже от банальных порезов из-за грязи – это сколько угодно, но вот эпидемий не было.

Вдоль стола стояли две лавки, слева от входа у стены – камин, скорее, даже очаг, у небольшого оконца вдоль стены – еще одна лавка. Как заметил Андрей, стульями здесь практически не пользовались, вернее, их и не было – были массивные кресла, которые позволяли себе только состоятельные люди, да и то больше для того, чтобы подчеркнуть свой статус, так как они все же были весьма неудобными. Вообще мебель здесь была какой-то топорной, массивной и неудобной. Средневековые.

Кроме них в импровизированный штаб прошли еще два рыцаря, которые являлись офицерами. Ну и падре Томас – куда ж без замполита. Еще две недели назад был еще один священник-инквизитор, который состоял при гарнизоне крепости, но тот заболел какой-то болезнью и скоропостижно помер. Хорошо еще, падре Томас в этот момент был не в патруле, а в крепости, иначе здесь уже были бы дознаватели святой инквизиции – уж больно они не любили терять своих людей, – это их правило Андрей про себя одобрял. О своих нужно заботиться и не давать ни малейшего повода кому бы то ни было даже помыслить поднять на них руку.

После того как Андрей закончил доклад, он уловил завистливый взгляд рыцарей. Те, в отличие от коменданта, хотя и были добровольцами, но служили здесь в надежде на получение земельного надела, которые за службу выдавались на пограничных землях.

Оно, конечно, рискованно, но с другой-то стороны, уж лучше хоть какая земля, но своя. Тем более что участков для возделывания хватало и земля родила хорошо, – вот только опасно. Что им, младшим сыновьям, могло достаться от отца – доспехи, оружие, конь да благословение! Поэтому в накоплении материальных благ они были заинтересованы, и наблюдать за тем, как подфартило кому-то другому, им было не совсем приятно. С другой стороны, из-за этого нажить врагов было маловероятным – им-то никто не запрещает уйти в дальние патрули, вот только сложить голову там можно было гораздо быстрее, чем обрасти добром.

Ярким примером тому был один из рыцарей, который, неосторожно двинув правой рукой, болезненно сморщился и начал массировать плечо. Увидев это, Андрей потупил взор. А что тут поделаешь – эту рану сэр Мартин Мэллоу получил вместо Андрея.

Произошло это в первый выход, когда рыцарь вышел в степь с патрулем, чтобы ознакомиться с патрулируемым участком. По идее это должен был сделать командир прежнего патруля, но с этим вышла проблема. Патруль в полном составе как сквозь землю провалился, что в этих краях могло означать только одно: на этом свете их больше не было. Конечно, сэр Мартин был знаком только с близлежащим участком, но кого это интересует – положено ввести в курс дела, вот комендант, старый служака, и расстарался, хотя нужды в том и не было: падре сам в прошлом служака, эти места знал как облупленные.

Так вот. На привале Андрей, все еще пребывая в некоторых вопросах в плену предрассудков двадцать первого века, решил удалиться с глаз долой, чтобы подумать о добром и вечном, а заодно и оправиться.

Как он проглядел этого орка, он и сам не понял. Вроде пологий склон холма с редкой травкой – и спрятаться-то негде, – но орк сподобился.

Сэр Мартин тогда подошел к Андрею и попенял ему на его легкомысленное поведение, ничуть не стесняясь его недвусмысленной позы и не реагируя на то, что как раз его-то себе-седника это несколько напрягает. Серdito пыхтя, Андрей натянул штаны и в этот момент был сбит с ног рыцарем, одновременно выкрикивающим предупреждение. Стрела, предназначавшаяся Андрею, прошла насквозь плечо сэра Мартина. Рана оказалась нехорошей, так что и по сей день беспокоила его.

– Значит, набег отменяется, – подвел итог докладу сэр Бард.

– Во всяком случае, эти два отряда пока угрозы не представляют. А если они из слабых родов, то вскорости один из них закончит свое существование.

– Ничего хорошего в этом не вижу, – остудил Андрея комендант. – Просто оставшиеся волеются в другой род, и мы получим еще одно сильное стойбище. Освободившиеся земли займет другой, может, такой же сильный, как вновь образованный, и это, скорее всего, будет именно так, либо равный по силе прежнему, но это менее вероятно.

– Почему вы так в этом уверены? – удивился Андрей.

– Степь только кажется бескрайней. На самом деле не так много мест, где можно кочевать, и зависит это в первую очередь от источников воды, а соответственно и пастбищ. Так что для нас практически ничто не изменится. Но временная передышка, во всяком случае, от этих двух родов у нас есть, тут ты, сэр Андрэ, прав. Когда думаешь выступать снова?

– Я думаю, что неделя у меня есть.

– Ха! Господа, как вам это нравится! Вы думаете, врезали оркам – и те теперь утрутся? Как бы не так. Эти орки вообще могли пойти в набег за пару сотен миль. – На лицах рыцарей отчетливо читалось чувство превосходства перед этим, хотя и, несомненно, удачливым, но, по сути дела, пока еще малоопытным рыцарем. – Я надеялся услышать другой ответ.

– К чему тогда эти разговоры, – обиделся Андрей. – Значит, три дня привести себя в порядок – и в поход.

– А вот это мне нравится больше, – добродушно улыбнувшись, проговорил комендант. – Не обижайтесь, сэр Андрэ, со временем вы все это будете знать как «Отче наш». – Сэр Бард редко переходил со своими рыцарями на «вы», и когда он это делал, то таким образом хотел показать, что он уважает рыцаря, но вот только кто-то должен учить его уму-разуму. Ну и пусть его, по большому счету Андрей и не обиделся, но считал, что его как человека, недавно появившегося в этих краях, можно вводить в курс как-то более упорядоченно, а не от случая к случаю.

Выйдя от коменданта под палящие солнечные лучи, Андрей словно попал в духовку, вдыхая горячий воздух. Все же в саманном домике коменданта было куда прохладнее, чем на улице. Под одеждой вновь зашевелились насекомые, вызвав обреченный вздох Новака. Это была просто пытка. Он до зубного зуда хотел оказаться в бане и наконец смыть с себя эту проклятую грязь. Нельзя. Грех. Мать их.

Началось же все с того, что, не видя выхода из ситуации с погибшим отрядом инквизиторов, Андрей и падре Патрик решили, что Андрею вместе с отрядом нужно поступить на службу инквизиции. Время для этого имелось, так как святоши были сейчас по уши заняты расследованием гибели своих товарищей.

То, что Андрей посчитал ошибкой старшины охотников, на деле дало ему фору сроком почти в месяц, а за это время он успел получить от сэра Свенсона рыцарскую цепь. Маркграф было обрадовался этому, но тут же был разочарован, так как новоиспеченный рыцарь пожелал нести службу под сенью креста – уж во всяком случае отдать долг перед матерью-Церковью службой минимум в год на южных рубежах, – и воспротивиться такому желанию своего вассала не мог ни один сюзерен. Ссориться с Церковью – себе дороже.

– Я рассчитывал использовать вас по-иному, – не скрывая разочарования на озвученное намерение Андрея, заявил он.

– Ваша светлость, дела складываются таким образом, что я должен поступить именно так – и никак иначе. Но как только я отдам этот долг, я поступлю в ваше распоряжение. Даю вам слово, я не собираюсь превращаться в ханжу-святошу и буду верен клятве вассала, пока вы останетесь верны своей.

– Никто еще не мог сказать, что я нарушил свое слово, – хмуро взглянув на новоиспеченного вассала, проговорил маркграф.

– Значит, я ваш до конца дней своих. Но только через год. Кроме вашего доверия мне нужно еще заручиться и доверием Церкви, а для этого я должен исправить свои же ошибки, которые невольно совершил.

А что тут скажешь, все верно. Так что сэру Свенсону ничего не оставалось, как согласиться с доводами Андрея. Разумеется, его беспокоило, что он мог вот так, за здорово живешь, потерять рыцаря – в том, что место службы для него подберут веселое во всех отношениях, он не сомневался, – но он был бессилен.

К разочарованию Эндрю, Андрей был вынужден свернуть производство проволоки, а на ее-то производство в основном и рассчитывал купец – он никогда не слышал об экономической теории, но прекрасно понимал на практике, что значит монополия. Инквизиторы, наложив епитимью на Андрея и его людей, потребовали уничтожить волоочильный стан. К удивлению Андрея, попы не имели ничего против производства посуды из дерева, лесопилки, изготовления наконечников для стрел и арбалетов. Однако о развитии чего бы то ни было нового не могло быть и речи. Это ввергло Грэга в отчаяние: его душа требовала продолжения познаний неведомого. Андрею с большим трудом удалось убедить гиганта в том, что и на их улице еще будет праздник, но нужно потерпеть и не раздражать инквизицию.

Варить сталь теперь было также невозможно. Если станки удалось просто разобрать и припрятать, то печь пришлось разрушить. Ибо кроме как происками сатаны церковники никак не могли объяснить получение из довольно посредственной железной руды высококачественной стали, превосходящей по качеству даже симерсонскую. Старика Тони и вовсе пришлось «предать смерти», а потом, на радость инквизиторам, еще и сжечь его труп.

В качестве трупа старика послужил труп одного бродяжки, который они нашли во рву Йорка, куда сбрасывали всех неопознанных, в основном бродяг, а так как зимы здесь были весьма холодными, то тело хорошо сохранилось. Самого Тони спрятали в лесу, в небольшом охотничьем домике, устроенном охотниками Жана, – они же присматривали за стариком, обеспечивая его едой, ну и работу подкинули ему, чтобы тот не загнулся со скуки, так что теперь он полностью отвечал за снаряжение охотников, ну и заодно те учили его обращаться с самострелом.

Все бани в селе были разобраны, и бедные жители, успев отвыкнуть от вшей, вдруг поняли, что соседство с «Божьими жемчужинами», как именовали этих паразитов служители Господа, им вовсе не приятно. Но все привычно смирились с этим. Более того, в селе у падре Патрика появился помощник – представитель инквизиции, который должен был присматривать за селом, которого коснулась скверна. Хотя люди весьма скоро «одумались», они все еще оставались под подозрением.

Но человек устроен так, что не может не найти хоть чего-то положительного в самой плохой ситуации. Едва узнав о том, что их неформальный лидер вдруг стал рыцарем, они воспылали желанием стать его вассалами. Тот факт, что он не владеет землей, а просто является арендатором, их ничуть не смутил – они были готовы подождать, пока у сэра Андрэ не появится своя земля, а пока готовы платить ему весьма высокие подати, чтобы он мог и выплачивать аренду, и содержать свою дружину. У Андрея попросту не хватило духа отказать им, с другой

стороны, он был польщен таким отношением к нему людей, которым он, по сути, мало что сделал, – во всяком случае, он думал именно так.

Что касается дружины, так тут был разговор отдельный. Степь подразумевает под собой кавалерию, так как пеший не в состоянии противостоять конному, во всяком случае, степнякам, которые с неохотой сходились с людьми грудь в грудь, предпочитая истреблять противника стрелами.

Люди Андрея вполне прилично держались в седле, но уметь держаться в седле и сражаться верхом – это две большие разницы. Поэтому Андрей выпросил у маркграфа инструктора, чтобы тот поднатаскал его людей в кавалерийском деле. Сюзерен не подкачал и прислал лучшего своего десятника, который согнал с людей Андрея семь потов. За оставшиеся пару месяцев до того, как земля просохнет и отряду предстоит отправиться на границу, этот ветеран вволю покуражился над ними. Хотя времени было не так много, инструктор успел добиться весьма многого, занимаясь буквально валившимися с ног воинами и Андреем, который также встал в строй как рядовой.

Правда, если бы старый десятник услышал все те эпитеты, которыми наградил впоследствии учителя падре Томас, то либо потерял бы дар речи, либо, что более вероятно, схватился бы за оружие, что, впрочем, вряд ли: не стал бы он связываться с инквизицией. Но, во всяком случае, базовые знания он в них вколотил, а уже падре довел огранку – конечно, не до совершенства, но до вполне приемлемого уровня – и продолжал поднимать неустанно.

Наконец раскисшая земля достаточно просохла, и отряду предстоял долгий путь на южные рубежи. Местом их назначения была крепость Криста. Громкое название, ничего не скажешь. По первости она произвела подавляющее впечатление. Андрей почему-то вспомнил фильм «Легионер» с Жан-Клодом Ван Даммом в главной роли. Такая же убогая обстановка, ничего романтического. Но это был его дом, во всяком случае в течение года, а может, и последнее его пристанище, если не повезет настолько, что он сложит здесь свою голову.

Глава 3

У Мертвого озера

– Вот только не надо смотреть на меня так, словно перед тобой призрак.

– ...?

– Я тоже рад тебя встретить, видит Бог, как рад.

– Эндрю?!

– А кого ты думал увидеть? Конечно, это я. Анна все порывалась приехать, да только я, ты уж извини, отчитал ее как непослушную девчонку. Нет, ну вот объясни мне, что за блажь...

– Как она? – перебил словоохотливого купца Андрей.

– А что ей сделается-то, – не моргнув глазом, спокойно продолжал тот.

– Эндрю-у...

– А что сразу «Эндрю», – на этот раз делано возмутился купец.

– Эндрю-у...

– Слушай, а в вашем захолустье вино-то есть, ну или хотя бы пиво? – Это уже с хитрецей.

– Эндрю! – уже взревел рыцарь, сжимая кулаки.

– Вот знал я, что на границе не мед, но чтобы до такой степени... Ладно, не переживай, я запасливый. Пиво – оно, конечно, такой дороги не выдержит, скиснет, но вот вина я привез предостаточно. Три бочонка. И заметь, вам это не будет стоить ни фартинга. Вот такой я щедрый. Ничего для друга не жалко. Да чего ты улыбаешься как глупый несмышлениш? Ну да, правильно улыбаешься. Ну что, язык проглотил или спросишь, кто родился?

– Как они? Здоровы? – наконец выдавил из себя Андрей.

– А чего не спрашиваешь, кто родился-то?

– Да какая разница! – хватая за плечи друга и тряся его, выкрикнул Андрей.

– Как это какая разница! За девочку ты можешь отдариться и чем попроще, а вот за сына... В общем, я хочу кольчугу.

– Сын?

– Только я хочу кольчугу не хуже твоей, а то, знаешь, дороги нынче...

– Эндрю, чертяка! – Андрей сгреб купца в охапку и закружил его, словно парень, окрыленный первым поцелуем своей девушки. – Как будешь в Новаке, скажешь Грэгу!

– Вот еще, ждать... – Эндрю с трудом избавился от объятий, подозрительно косясь по сторонам, не видел ли кто, и ощупывая себя, все ли кости целы: объятия отца были весьма крепки. Вот только зря, потому как они находились посреди плаца, и половина гарнизона высыпала на улицу. Купеческий караван в этих местах редкость, так что равнодушных практически не осталось. А что делать, если жалованье-то платится, а вот тратить его негде. – Я ее с Грэга уже струсил – он отчего-то несколько не сомневался, что ты меня отдаришь тем, что я попрошу, – отдуваясь, закончил купец.

– Эндрю-у-у!!!

– Да, Эндрю, Эндрю. Ну что, вино сразу – или дашь время обустроиться?

– У меня сын родился!!! – во все горло вдруг закричал Андрей.

– Понятно. Начнем с вина, – как ни в чем не бывало констатировал Эндрю.

Но счастливый папаша этого уже не слышал, так как, переполняемый чувствами, уже подбежал к коменданту и, схватив его за плечи, крутанулся с ним вокруг оси, предоставляя солдатам возможность посмотреть на редкое зрелище – улыбающегося командира. Однако этого счастливому отцу показалось мало, и под раздачу попал всегда хмурый и сосредоточенный падре Томас: этого крепыша Андрей стиснул в объятиях и, оторвав от земли, начал кружить так же, как минуту назад кружил купца:

– У меня сын родился!!!

Вопреки опасениям коменданта и остальных свидетелей происходящего, на губах инквизитора, уже давно отвыкшего от подобного вольного обращения, застыла глупая, очень даже простодушная и одобрительная улыбка. Нет, не все человеческое умерло в этом фанатике.

– Все, сбрендил.

– Что, господин Белтон?

Эндрю перевел взгляд на подошедшего приказчика и, ухмыльнувшись в бороду, панибратски хлопнул его по плечу, что для него было несвойственно. Нет, он не был кичливым ханжой и с людьми был крайне благожелателен, если не требовалось обратного, однако в делах всегда был корректен и деловит, а сюда, что ни говори, они приехали в том числе и по делам, или даже в первую очередь: купец из каждой поездки должен приехать с прибытком. Белтон планировал проехать по крепостям границы и поторговать. Конечно, такая торговля не могла приносить постоянную прибыль, поэтому-то купцы и бывали на границе редко – все же рискованно, но изредка, не чаще пары раз в год, прибыль приносила солидную. Ну некуда было солдатам девать свое жалованье и трофеи.

– Я говорю: узнай, где проживает сэр Андрэ, и тащи туда первый бочонок, остальные два – во-он к тому навесу. Потом займись караваном, а я, ты уж извини...

– Я понял, господин Белтон. Не извольте беспокоиться, все будет в лучшем виде.

– Давай, я тебе полностью доверяю, – не сводя глаз с беснующегося Андрея и поглаживая бороду, подвел Эндрю итог.

Возле казармы, занимаемой патрульными, был устроен навес, под которым разместили очаг, на коем готовили пищу. Андрей, памятуя о том, что антисанитария была бичом этого мира, решил все же ввести кое-какие новшества. Его воины не готовили себе пищу самостоятельно – этим занимались по очереди мальчишки-обозники. Оно, конечно, получалось несколько несправедливо, так как парни так же участвовали в походах и даже в боях в качестве стрелков, но, как говорится, дедовщину еще никто не отменял. Зато его люди питались централизованно и одинаково. Это вызывало недоумение всего гарнизона, так как пищу здесь готовили отдельно по десяткам, да и принимали ее кто где придется, однако в отсутствие патрульных нередко ели под их навесом, чего никогда не происходило, когда те были в крепости.

Под этим-то навесом и расположились все высокопоставленные лица, находящиеся в крепости. Как водится, мероприятие возглавил лично комендант – что делать, старая поговорка в мире Андрея «Если начальник не в состоянии предотвратить пьянку, он обязан ее возглавить» была актуальна и здесь.

Вообще-то отряд Андрея уже должен был выйти в патрулирование, но ввиду вновь открывшихся обстоятельств комендант решил отсрочить поход, но сразу же поставил в известность, что отсрочка небольшая – только до следующего утра. Дело было не в том, что не имеющий своей семьи сэр Бард не понимал, каково сейчас Андрею и его вассалам, это-то он как раз понимал и сам радовался за своего подчиненного от чистого сердца. Но была еще и служба, к тому же от того, насколько хорошо она будет выполнена, зависят жизни не только гарнизона крепости, но и поселений, находящихся в приграничье. Андрей же и не думал обижаться: комендант и так пошел навстречу, и – что самое главное – это одобрил их инквизитор. Вот уж кого он думал уламывать, используя все свое красноречие. Не пришлось.

Рядом с начальством расположились только дружинники Андрея, так как мало того что они были членами элитного подразделения, так еще и являлись его вассалами, поэтому их присутствие не могло никого оскорбить. Остальные воины также оттягивались на полную, заставляя с трудом сглатывать тягучую слюну тех, кому не повезло оказаться в карауле. К караульной службе в этих местах относились весьма серьезно. Не хватало только женского пола, но тем-то и отличалась служба в пограничных крепостях, что маркитантов со шлюхами здесь отродясь

не бывало. Есть желание – женись, и тогда Церковь ни словом, ни делом не станет тебя порицать, а даже наоборот, надавит на коменданта, чтобы тот выделил жилье. Однако желающих обзавестись семьей было очень мало, и вся причина была в том, что места эти были крайне опасными: жене превратиться во вдову с детьми на руках или воину во вдовца здесь можно было легко, а кому это надо? Блуд же в этих краях был под строжайшим запретом – святое воинство как-никак.

Два барашка, зажаренных на вертеле, оказавшись на столе, молниеносно были подвергнуты процедуре расчленения, а так как с ножами никто и никогда не расставался, то и дело делалось споро.

– Дьявол, недосолили. – Пьяно ухмыляясь, Эндрю стал оглядываться, высматривая искомый продукт.

– Дружище Эндрю, как говорится, пересол на спине, недосол на столе... – Счастливый папаша протянул купцу плоску с белоснежной солью. – А нечистого поостерегись поминать: падре Томас весьма строг, как наложит епитимью – так не возрадуешься.

– Спасибо, – ухмыльнувшись, поблагодарил купец, так что за соль он благодарит или за совет, было непонятно.

Белтон посолил кусок баранины, потом сноровистым движением отделил мясо от кости и с наслаждением задвигал челюстями. Он трижды повторил эту процедуру, как вдруг, остановившись, отложил в сторону еду и, взяв в руки плоску с солью, стал внимательно ее изучать. Он даже поднялся и продолжил более детальное изучение, подойдя к факелу. Помяв соль пальцами, он высыпал несколько крупинок себе на язык и стал причмокивать как бывалый дегустатор. Удовлетворенно кивнув своим мыслям, он буквально по крупинкам просеял соль между пальцами и, судя по всему, вновь остался довольным, но в то же время чем-то озадаченным.

Андрей поднялся из-за стола и направился к другу – что ни говори, но он был безмерно счастлив видеть его. Эндрю был посланцем из того мира, который оказался вдруг таким же далеким и недостижимым, как и тот, из которого Новак попал сюда. Оно, конечно, до села Новак было не больше полутора сотен километров, но в то же время оно было недостижимым, так как увидеть ставших ему дорогими людей он попросту не мог, будучи связанным обязательствами, а смерть ходила рядом буквально каждый день.

– Что-то случилось, Эндрю?

– Вот скажи, что это? – протягивая Андрею плоску, спросил купец, и, как показалось Новаку, при этом голос друга звучал гораздо тверже, словно тот быстро трезвел на глазах.

– Соль, – не скрывая своего недоумения, ответил он.

– Ну кого я спрашиваю. Это золото.

– Чего-о?.. Эндрю, мы, конечно, выпили, но не настолько же. Скажешь тоже, золото. Соль – она и есть соль, только чистая и не горчит.

– Вот и я о том же.

– О чем?

– Господи, ну почему ты всегда помогаешь этому бестолочи. Так, Андрэ, нам нужно срочно поговорить.

– Там вроде еще осталось вино, – неуверенно попытался возразить Андрей, который, кстати, также начал очень быстро трезветь, так как успел уже достаточно узнать друга, и, когда он становился таким деловым – значит, того требовали обстоятельства, и игнорировать это не стоило, к тому же его организм с некоторых пор стал более успешно противостоять алкоголю.

– Пусть остальные гуляют. До полуночи осталось не больше двух часов, в полночь комендант обещал объявить общий отбой, он же, как я понял, человек слова, а завтра с рассветом ты отправишься в патрулирование. Так что поговорить нам нужно, и немедленно. Я не могу сидеть здесь неделю, пока ты вернешься.

– Хорошо. Пойдем ко мне.

– Только, Андрэ...

– Да понял я. Яков.

– Сэр... – Хотя Андрей говорил негромко, гигант словно по мановению волшебной палочки предстал перед ними.

Яков в отряде оказался по настоянию Анны. Так уж сложилось, что этот великан проникся таким неподдельным уважением к супруге своего сюзерена, что становилось непонятным, кому он в итоге служит – ему или ей. Андрей больше склонялся к мысли, что все же супруге, но это его не огорчало, так как иметь такого надежного человека подле жены он был только рад. Поэтому, когда формировался отряд, Яков был первым кандидатом на оставление в пункте постоянной дислокации – так Новаку было спокойнее. Вот тут-то женушка и проявила свой характер. Она настаивала, она умоляла, ругалась и вновь просила, и в конце концов Андрей вынужден был уступить – ей, видишь ли, станет спокойнее, если каменотес будет прикрывать в бою спину Андрея. Хорошо хоть удалось убедить, что Тэду уж сам бог велел остаться здесь, а с него вполне достаточно Джефа и Якова. Справедливости ради нужно заметить, что пару раз Яков уже успел прикрыть Андрея. Однажды даже, не успевая отбить удар ятагана, он принял его на себя, благо стальная пластина оказалась на высоте: хотя клинок и пробил ее, но завяз в поддоспешнике, а у гиганта не оказалось даже синяка, словно он и сам был вытесан из гранита.

– Нам с Эндрю нужно поговорить. Без свидетелей. Мы пойдем ко мне.

– Я все понял, сэр.

О дальнейшем можно было не беспокоиться. Пока их беседа не завершится, никто не приблизится к жилищу, занимаемому его сюзереном. Яков был способен остановить даже инквизитора – уж как ему это удавалось и что он говорил, Андрей даже предположить не мог, но результат всегда был положительным.

Комната в казарме, которую занимал Андрей, как и все помещения, не отличалась особым убранством. Небольшой стол, две скамьи по обеим его сторонам и простая кровать, сложенная из грубых досок с положенным поверх тюфяком, набитым хотя и свежей, но соломой, такая же подушка. Под кроватью располагался сундук, в котором он хранил свои нехитрые пожитки. Справа от входа на стене имелаась грубая вешалка с деревянными крючьями, куда вешалась носимая одежда. И вокруг затхлый кислый запах давно не мытого тела и непрветриваемого помещения. В общем, холостяцкая берлога во всей своей неприглядной красе, или, если хотите, обычная казарма.

Осмотревшись, Эндрю невесело улыбнулся, памятуя о том, с каким старанием Андрей обставлял свой дом, впрочем, в угоду сложившимся обстоятельствам там сейчас также все не блистало. Удобная и изысканная по нынешним временам мебель исчезла в огне, на смену ей пришла грубая, не выбивающаяся из общей концепции. Мало того – уже привыкшие к ежедневному поддержанию порядка в доме женщины вынуждены были, пересиливая себя, сводить усилия по поддержке чистоты к минимуму: что поделаешь, оставленный в селе инквизитор появлялся в домах весьма часто, и никогда нельзя было предугадать, в какой дом на этот раз он направит свои стопы. Село было под неусыпным контролем святой братии.

– Да-а. Убогонько.

– Ты хотел поговорить об этом?

– Да нет. Я все прекрасно понимаю, вот только не понимаю – чего плохого в том, чтобы быть чистым и жить в чистоте, а не в хлеву. – Эндрю, как и все, с кем сталкивался Андрей, очень быстро понял, насколько приятно быть чистым и жить в чистоте, но и ему пришлось отринуть эту привычку. Слишком много можно было потерять. Хотя святая инквизиция и не обратила пока на него своего внимания, но он решил не искушать судьбу и, поняв все правильно, скоро отказался от «пагубных» привычек.

– Не дави на мозоль.

– У самого болит, – тяжело вздохнул купец.

– Так о чем ты хотел поговорить? – ставя на стол кувшин, две кружки и делая приглашающий жест, спросил Андрей.

Вновь ухмыльнувшись, Эндрю присел за стол и, взяв уже наполненную кружку, сделал большой глоток. Андрей не переживал на тот счет, что друг напьется: Белтон был купцом до мозга костей и, когда начиналась деловая беседа, меру свою знал четко.

– Итак, друг мой. Я решил направиться в этот поход сразу по нескольким причинам. Ты уж извини, но сообщение о рождении у тебя сына – это побочное.

– Я понимаю, можно было ограничиться гонцом.

– Это точно. И узнал бы ты все гораздо раньше. Но я вот решил снять сливки с пограничных крепостей, так что, как видишь, выгода у меня все же на первом месте. Ну и тебя увидеть очень хотелось.

– Но это опять не самое главное?

– Да нет как такового самого главного. Так, все одно к одному. Но что-то мне подсказывает, что главное я нашел здесь. И кто бы сомневался: там, где ты, всегда что-нибудь происходит.

– И что же произошло в этот раз?

– В общем-то ничего, но, как мне кажется, это только пока. – Он выложил на стол плоскую с солью, которую, оказывается, взял с собой. – Откуда это?

– Взяли у орков. У них всегда имеется с собой соль. А чего тут удивительного?

– А ты не знаешь, откуда она у них?

– Понятия не имею, – пожал плечами Андрей. – А какая разница?

– Ты спрашиваешь, какая разница? А ты не заметил, насколько она отличается от той соли, которую используем мы?

– Что за вопрос. Я, кажется, тебе уже говорил.

– Правильно. Нашу соль добывают во Франции, в горном руднике. Она несколько грязноватая и имеет горький привкус. А эта – чистая как слеза и просто соленая. Да за такую соль состоятельные люди не пожалеют денег, она в буквальном смысле пойдет на «ура» по весу серебра.

– Смеешься?

– Ничуть.

– Ну и что с того, что соль грязноватая. Растворить ее в воде, выпарить – вот и чистая соль.

– Самый умный?

– Ну уж не глупый.

– Сам-то пробовал так делать?

– Нет.

– Вот то-то и оно. Пробовали и по сей день пробуют, но только она почему-то получается еще грязнее, горчит еще больше. Почему – не спрашивай, сам не знаю.

А чего было спрашивать-то. Здесь происходили какие-то химические процессы, но какие – он понятия не имел, даже его феноменальная память не могла помочь в разгадке этой проблемы. Вопрос мог быть как в самом составе соли, так и в воде, при помощи которой пытались очистить соль. В общем, ему это было точно не по зубам.

– Так ты хочешь...

– Именно. Попробуй узнать, откуда у них эта соль, – и мы буквально озолотимся. Поверь, я знаю, о чем говорю.

– Да верю я тебе. Но откуда у них эта соль, понятия не имею.

Вдруг он вспомнил, как ездил в гости к другу на Волгу, и тот повез его показать достопримечательность, являющуюся объектом поклонения чуть не всей России. Правда, достопримечательность

мечательность оказалась в двухстах километрах от Волгограда, но это их не остановило. Так вот этой достопримечательностью оказалось озеро Баскунчак в Астраханской области. Покупаться в этом озере и принять грязевые ванны съезжались со всех мест – и из Центральной России, и из Сибири, даже с Дальнего Востока, ну и из стран СНГ. Там же располагался Баскунчакский соляной комбинат. Помнится, хотя его так и не смогли затянуть купаться в это озеро, но впечатлений он получил массу. Так, например, выяснилось, что они забыли соль, но он на эту забывчивость только посмеялся: потеряв очищенное яйцо о плечо своей жены, он прекрасно обошелся той солью, что выступила на ее коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.